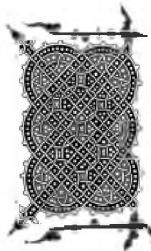


# ИССЛЕДОВАНИЯ



М. М. Громыко

## Религиознонравственный подход к проблемам социального неравенства в русской православной традиции XIX – начала XX веков

Малое у праведника —  
лучше богатства многих  
нечестивых  
Пс. 16, 16

**С**ущественные историко-этнографические аспекты весьма актуальной сегодня проблемы отношения к богатству рассмотрены О. В. Кириченко на страницах нашего журнала<sup>1</sup>. Данная статья лишь продолжает эту тему, отнюдь не претендую на ее завершение.

Грубо-примитивный материалистический подход марксизма-ленинизма к социальным проблемам, сознательно ставивший задачу уничтожения духовно-нравственных ценностей христианства и замены их понятиями ожесточенной классовой борьбы, довел над учеными России в течение семидесяти с лишним лет. Работая в условиях постоянного государственного террора в отношении инакомыслящих, даже серьезные исследователи вынуждены были ограничиваться сугубо экономической стороной общественных явлений, не касаясь духовно-нравственных проблем и не вступая в противоречие с теориями формаций и «прогрессивных» революций. За это время накопилось немало научных трудов, авторы которых видели свою задачу в сборе отрицательных фактов о социальной действительности «царского времени», намеренно или невольно преувеличивая уровень и разрушительные последствия социального расслоения.

Исследователи советского времени находили и в дореволюционной историографии предшественников своих взглядов, так как уже и в рассматриваемый нами период нарастало число

авторов — ученых и публицистов — очернителей, усердно подчеркивающих отрицательные стороны российской действительности: одни в надежде, что содействуют их исправлению, поддавшись влиянию либерального и демократического направлений; другие — сознательные разрушители, готовившие переворот и последовавшую за ним революцию. Заблуждению первых явно способствовал их отход от веры и Церкви, в большей или меньшей степени. О вторых в этом отношении и говорить не приходится.

В наши дни, когда в обществе накапливаются раздражение и протест против социального неравенства, и одни обращаются (глазами исследователей, публицистов, писателей и просто активных людей разных профессий) к указанной выше критиканской литературе, а у других вызревает или уже выражается готовность следовать революционным идеям и противопоставлять современности сталинизм, необходимо обратиться к богатому опыту религиозно-нравственного подхода к этим проблемам, которым располагает русский народ, т. е. не только в христианском богословии, но и в *реальной социальной практике*. Иной верующий и церковно укрепленный в вере человек, «простой» по уровню образования и занятиям, прекрасно понимает бескачественность *богатства как такового*: все зависит от того, как оно нажито и как используется, — объяснит он нам! Он видит, чувствует всеми

<sup>1</sup> Кириченко О. В. Отношение к богатству в русской православной традиции (XVIII — начало XX века) // Традиции и современность. М., 2014. № 15. С. 64–100.

фибрами своей души, в так называемой «классовой борьбе», с одной стороны, — *грех зависти*, разжигаемый носителями зла, с другой, — *грех сребролюбия* — наживание богатства ради ублажения собственных прихотей и гордыни.

Богатому трудно войти в Царствие Небесное (Мф. 19, 23) потому, что оно воздвигает дополнительные искушения на этом пути. Святитель Филарет (Дроздов) подробно объясняет в частной переписке, как могут быть преодолены эти препятствия на разном уровне духовного развития человека. Он отмечает, что «нищета в Евангелии не всем предписана без разбора и в одинаковой степени». Первый ответ Господа богатому юноше о том, как спастись — соблюди заповеди (Мф. 19, 17), и лишь после утверждения юноши о том, что это у него есть, Спаситель предлагает ему путь совершенных, т. е. не только спасаемых от ада, но святых, способных к преимущественной славе на небесах<sup>2</sup>. «Из сего видите, — пишет свт. Филарет, — что Евангелие нищету предписывает не всем, но ревнующим о совершенстве, что не имеющие дара нищеты могут спастися от ада, если будут веровать и творить добро в свою меру, но сии не столь богаты будут на небесах, как те, которые оставили все, чтобы идти во след Христу. Кроме того, есть способ и богатому быть нищим при самом богатстве, а именно, когда он к богатству не имеет ни малейшего пристрастия и ничего не употребляет по своей прихоти; но как приставник сокровища, принадлежащего Богу, употребляет оное по лучшему своему разумению во благо ближних»<sup>3</sup> (курсив наш — М. Г.). Но все «может сие совершиться, — продолжает пояснять святитель, — премудрым Провидением Божиим и силою Божией, которая и человеку сообщается через веру»<sup>4</sup>.

Именно таким путем, который мы выделили в тексте святителя Филарета, стремилась следовать значительная часть богатых, происходивших из разных сословий России XIX — начала XX в.

Но обратимся к конкретному материалу. В силу особенностей самой темы, видимо, целесообразно рассмотреть вопрос по сословиям и начать

изложение с тех, чье сословие было в рассматриваемый период наиболее явным и непосредственным исполнителем процессов наживания и использования богатства — т. е. с купечества.

Владельцы ситценабивной мануфактуры Прохоровы происходили из монастырских крестьян Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. «Они были людьми глубокой веры и на первое место ставили задачи просвещения и духовно-нравственного воспитания народа. Они не только исповедовали принципы служения Богу, Царю и Отечеству, но и всеми силами старались воплотить их в жизнь»<sup>5</sup>. Основатель предприятия В. И. Прохоров отказался от доходного дела пивоварения по нравственно-религиозным соображениям и вложил свои капиталы (1799 г.) в ситценабивную мануфактуру, будущую «Трехгорку». Он завещал своим потомкам жить «не для богатства, а для Бога, не в пышности, а в смирении, всех, а кольми паче друг друга любите»<sup>6</sup>.

Его преемники исполняли установки основателя. При фабрике действовали: церковь, библиотека, больница, детские ясли и сад. Служащим и рабочим предоставлялось жилье, предлагались всевозможные способы обучения и повышения квалификации; была создана ремесленная школа. Тимофей Васильевич Прохоров (1797—1854) писал: «Богатство то хорошо, когда человек, приобретая его, сам совершенствуется нравственно, духовно, когда он делится с другими и приходит им на помощь»<sup>7</sup>. Его поучение «О богатении» отражает моральные установки верующей части русского купечества. «Человеку нужно стремиться к тому, чтобы иметь лишь необходимое в жизни; раз это достигнуто, то оно может быть и увеличено не с целью наживы — богатства для богатства — а ради упрочения нажитого и ради ближнего. Благотворительность совершенно необходима человеку, но она должна быть непременно целесообразна, серьезна. Нужно знать, кому дать, сколько нужно дать. Ввиду этого нужно посещать жилища бедных, помогать каждому, в чем он нуждается: работой, советом, деньгами, лекарствами, больницею и пр. Наградою делающему добро человеку должно

<sup>2</sup> Святитель Филарет Московский. «Призовите Бога в помощь»: Сборник писем / сост. иерод. Никон (Париманчук). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 260–261.

<sup>3</sup> Там же. С. 261.

<sup>4</sup> Там же. С. 262; Симонов В. В. Церковь — общество — хозяйство. М., 2005. С. 296–297.

<sup>5</sup> Балановская Н. А. Нравственность и духовные традиции в бизнесе // Наследие Серафима Саровского и судьбы России: Материалы конф. Москва — Саров. Июнь 2004. Нижний Новгород, 2005. С. 50.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. С. 51. Подробнее о деятельности Прохоровых см.: Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности Прохоровых. М., 1915; Барышников М. Н. Деловой мир России. СПб., 1998.

служить нравственное удовлетворение от сознания, что он живет в Боге. Богатство часто приобретается ради тщеславия, пышности, сластолюбия и пр., это нехорошее, вредное богатство, оно ведет к гибели души»<sup>8</sup>.

Отвечая на выпады против богатства как такого в современной ему общественной мысли, Т. В. Прохоров подчеркивает: «Богатство необходимо должно встречаться в жизни, оно не должно пугать человека, лишь бы он не забыл Бога и заповедей его. При этих условиях богатство неоценимо, полезно. <...> Не будь богатства, не было бы ни открытий, ни усовершенствований в различных отраслях знаний, особенно промышленных. Без средств, без труда, энергии не может пойти никакое промышленное предприятие: богатство — его рычаг»<sup>9</sup>.

Автор цитируемой выше статьи справедливо полагает, что «Прохоровы не были одиночка в своем мировоззрении, как надо развивать промышленность; их взаимоотношения с рабочими были характерны для многих предпринимателей России: А. А. Бахрушина, С. И. Морозова, П. П. Рябушинского, П. М. Третьякова, С. И. Щукина и других»<sup>10</sup>.

Да, Бахрушины, например, с конца 80-х годов XIX и в начале XX в. регулярно вкладывали большие средства с благотворительной целью. В 1887 г. открыта Бахрушинская больница, построенная и оборудованная на их капиталы; при ней, в 1890 г. — дом призрения неизлечимых больных на 200 человек. В 1895 г. — основан городской сиротский приют. В 1898 г. ими открыт дом бесплатных квартир для нуждающихся вдов с детьми и учащихся девиц; в 1912 г. в нем жили более 2000 человек, в том числе — свыше 1300 детей. В 1900 г. Бахрушины создали ремесленное училище для 100 мальчиков и школу рукоделия для девочек. Данный перечень не исчерпывает всей меценатской деятельности семьи этих предпринимателей в области кожевенного и суконного производства. В 1901 г. братья Бахрушины удостоены звания почетных граждан<sup>11</sup>.

Известными благотворителями были предприниматели Гарелины, основавшие в Иваново-Вознесенске три крупных предприятия по производству льняных, ситценабивных и хлопчатобумажных тканей. Начало этому делу положено



Красильщиков с женой

жил в XVIII в. крепостной крестьянин Матвей Гарелин, занимавшийся торговлей тканями. В 1828 г. братья Никон Мефодиевич и Петр Мефодиевич Гарелины выкупились на волю. Они вступили во 2-ю купеческую гильдию, а в 1839 — в 1-ю. За выделение крупных сумм на улучшение быта рабочих Гарелины были удостоены нескольких российских и международных наград<sup>12</sup>.

Торговый дом «Гарелина Никона сыновья» имел при своем предприятии церковь, которую фирма обеспечивала на свои средства; содержал школу и библиотеку для детей рабочих, бодальню, амбулаторию, жилые дома. У Гарелиных существовали фонды пособий для беременных женщин и лиц, получивших травму на производстве. Рабочие получали пенсии. Другая фирма — паевое товарищество «Гарелин Иван с сыновьями» (Иван Никонович выделился в 1854 г.) в начале XX в. содержала: при фабриках два трехэтажных жилых дома, а также поселок за пределами фабричной территории — 11 домов; больницу;

<sup>8</sup> Цит. по: Русское хозяйство: Святая Русь / Большая энциклопедия русского народа. М.: Институт русской цивилизации, 2006. С. 102.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Балановская Н. А. Указ. соч. С. 51.

<sup>11</sup> Бахрушины // Русское хозяйство: Святая Русь. С. 90. Подробнее о Бахрушиных см.: Барышников М. Н. Указ. соч.

<sup>12</sup> Там же. С. 196–197.

амбулаторию; два училища (250 и 210 человек); ясли; детский приют; родильный дом; богадельню; библиотеку на 3000 томов<sup>13</sup>.

Товарищество Красильщиковых, ткацкое и красильное производство которых располагалось в с. Родники Вичугского у. Костромской губ. и было тесно связано с окрестным крестьянством (рабочие в основном из местных крестьян; раздача работы на дом), вело на свои средства значительную просветительскую работу: было построено в ближайших селениях 6 начальных училищ и выданы пособия еще на 6 училищ. При самой фабрике было открыто начальное училище — сначала (1889 г.) на 70 учащихся при двух учителях, через 10 лет в нем обучалось 180 детей при 6 учителях, а через 20 лет — 430 детей при 12 учителях. Товарищество создает специальный фонд для дальнейшего обучения детей рабочих

и служащих в средних и высших учебных заведениях. В 1903 г. вне территории фабрики, но на средства Красильщиковых, создается Народный дом со складом-выставкой сельскохозяйственных орудий, семян, наглядных пособий по сельскому хозяйству, а также библиотекой-читальней, кружком любителей церковного пения, складом картин и пр. В 1903 г. кружок местной интеллигенции при содействии товарищества Красильщиковых создал общеобразовательные и технические курсы, задачей которых было «дать специалисту-рабочему, кроме общего образования, возможность ознакомиться с самой теорией его специальности»<sup>14</sup>.

Ярославские предприниматели Оловянишниковы специализировались на изготовлении колоколов и церковной утвари, наряду со свинцово-белильным и свинцово-прокатным заводами. Фирма особенно широко развернулась при купце 1-й гильдии Иване Порфириевиче Оловянишникове, который был мануфактур-советником и городским головою Ярославля. Сыновья его возглавляли московские и ярославские предприятия. Их изделия получали награды на международных выставках (в Новом Орлеане, Париже, Чикаго) и на Всероссийских выставках в Москве и Нижнем Новгороде. Их благотворительность в родном Ярославне была весьма значительной: финансировали постройку моста через р. Которосль, архивохранилища, богадельни. В Ярославской женской гимназии учредили стипендию им. Шуры Оловянишниковой. Эта семья была постоянным вкладчиком в Серафимо-Понетаевский женский монастырь<sup>15</sup>.

Наиболее последовательная и глубоко духовная оценка своей деятельности приводила некоторых предпринимателей и купцов к кардинальной перемене всей своей жизни. Так, например, поступил сибирский купец Иннокентий Сибиряков. Исследовательница его жизни Т. С. Шорохова пишет: «Купцы в России в монастыри уходили нередко. Но чтобы монашеский постриг в расцвете лет принял миллионер-золотопромышленник, да еще предварительно раздав все свое состояние на благотворения и церковные нужды, такой случай даже для нашего отечества необычайный! Сам этот факт — уход крупного капиталиста из мира — дает исчерпывающее объяснение, почему имя выдающегося благотворителя



Оловянишников

<sup>13</sup> Там же. С. 197–198. Подробнее о Гарелиных см.: Барышников М. Н. Указ. соч.

<sup>14</sup> Там же. С. 423–424. Подробнее см.: Иоксимович Ч. М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1995. Т. I.

<sup>15</sup> Там же. С. 677–678.

России последней трети XIX в. — Иннокентия Михайловича Сибирякова было вычеркнуто из отечественной истории (в советский период. — М. Г.), хотя современники схимонаха Иннокентия не сомневались, что память о нем будет передаваться из поколения в поколение»<sup>16</sup>.

Иннокентий Михайлович Сибиряков (1860—1901) принадлежал к старинному богатому роду сибирских купцов. Начало их купеческой и благотворительной деятельности положил в конце XVII в. крестьянин Устюжского у. Афанасий Сибиряков, строивший в Иркутске храмы. Отец Иннокентия — Михаил Александрович Сибиряков первым в роду стал золотопромышленником (в 40-х—60-х годах XIX в.). «Он был отмечен не только полученным свыше даром предпримчивости, но и истового боголюбия» (в течение нескольких лет трудился старостой Вознесенской церкви). Благотворительность М. А. Сибирякова была многообразна: вклад больших средств на нужды Вознесенского монастыря; строительство часовни в честь святителя Иннокентия Иркутского; вклад средств в попечительства — детских приютов, раненых и больных воинов, пострадавших от наводнения; вложения в детский сад, строительство здания Иркутского театра, устройство дома для престарелых и инвалидов с церковью в честь святого Михаила Клопского (небесного покровителя самого Михаила Александровича) и другие вклады<sup>17</sup>.

По линии матери, в роду купцов и золотопромышленников Трапезниковых, тоже немало было для Иннокентия примеров религиозно-нравственного отношения к имущественному неравенству. Особое влияние на будущего монаха оказал его родной дядя и крестный — Сергей Константинович Трапезников, служивший церковным старостой, входивший в епархиальный комитет миссионерского общества и активно участвовавший в попечительстве о тюрьмах, больных и раненых воинах и других добрых делах<sup>18</sup>.

Старший брат Иннокентия — Александр Михайлович Сибиряков (1849—1933) вложил капи-

талы как в дела церковные, так и в науку и светское просвещение: выстроил несколько больших и малых церквей, часовен и скит; устроил ряд учебных заведений (в том числе — значительный вклад в основание Томского университета с принесением в дар ему библиотеки поэта В. А. Жуковского, около 5000 томов). Широко известно было его финансовое участие в экспедиции А. Э. Норденшельда по освоению Северного морского пути — вклад А. М. Сибирякова был самым крупным<sup>19</sup>.

«Вот среди таких творцов русской жизни, на примерах любви к ближнему и впитывал любовь к своему Отечеству и народу будущий благотворитель и святогорский схимник Иннокентий Сибиряков»<sup>20</sup>. Иннокентий стал наследником крупного капитала в пятнадцать лет и занялся благотворительностью уже в гимназии, успешно продолжив деятельность в области светского просвещения взрослым человеком: организация и обеспечение научных экспедиций; издание книг, газет и журналов; помочь молодежи в получении образования, ученым — в исследованиях; открытие музеев, библиотек и школ. Его участие в просвещении не ограничивалось территорией Сибири: вклады И. М. Сибирякова определили становление трех высших учебных заведений в Петербурге<sup>21</sup>.

Глубоким состраданием и активной помощью этого просвещенного богача пользовались переселенцы в Сибирь, испытывавшие бедствия в пути и трудности при устройстве на новых местах. Он не только помогал им лично, но содействовал в общественной сфере: был одним из учредителей Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. На его средства организовывались также отряды в области экстренной медицины — для борьбы с эпидемиями<sup>22</sup>.

У подобных деятелей богатство, полученное по наследству или в результате собственных данных и жизненных обстоятельств, рассматривается как возможность действовать в жизни общества на основе христианских заповедей.

<sup>16</sup> Шорохова Т. С. Ктитор Афонского Свято-Андреевского скита схимонах Иннокентий (Сибиряков) — выдающийся представитель русского купечества // Возрождение православных монастырей и будущее России: Материалы III Всерос. науч.-богословск. конф. «Наследие Серафима Саровского и судьбы России». Нижний Новгород: Глагол, 2007. С. 511.

<sup>17</sup> Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: Биографические повествования. Новосибирск, 1997. Т. 4, кн. 1. С. 46—50; Шорохова Т. С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков: Биографические повествования. СПб., 2005. С. 9—12.

<sup>18</sup> Краткая энциклопедия... С. 6—12.

<sup>19</sup> Шорохова Т. С. Указ. соч. С. 13.

<sup>20</sup> Там же. С. 14.

<sup>21</sup> Шорохова Т. С. Ктитор Афонского Свято-Андреевского скита... С. 514.

<sup>22</sup> Там же. С. 515.

Видимым образом эта основа проявляется в собственно церковной благотворительности: на средства И. М. Сибирякова «был выстроен Андреевский храм Воскресенского скита на Валааме, Свято-Троицкий Николо-Уссурийский монастырь в Приморье, несколько храмов в Петербурге, Сибири, Ярославле, Финляндии... Благодаря пожертвованиям Иннокентия Михайловича Русский Свято-Андреевский скит на Афоне пережил настоящий расцвет. На его вкладах построены или благоустроены несколько храмов и приделов в честь тезоименитого святителя Иннокентия Иркутского». Менее известна его личная милостыня частным лицам, по понятной причине — он ее скрывал, в то время как общественную деятельность скрыть было невозможно. Но позднее, по воспоминаниям, оказалось, что «в один день в его дом порой приходило до четырехсот просителей и никто не уходил от него без помощи».<sup>23</sup>

На Афон уходили и купцы, имевшие не столь огромное состояние, как Иннокентий Сибиряков. Суть поступка оставалась той же: человек полностью отказывался от своего богатства. Иеромонах русской Афонской обители Арсений — в миру Александр Иванович Минин (1823—1870) — в молодые годы не думал о монашестве, хотя уже в годы службы в конторе в Петербурге часть своего жалованья употреблял на пособия бедным из родных и чужих. Его родители — из купцов Новоторжского у. Тверской губ. — жили в Мамадышском у. Казанской губ. на мельнице и занимались хлебной торговлей. Имущество его увеличилось, когда он продолжил конторскую службу (у того же хозяина) на золотых приисках в Енисейске. Получив часть наследства отца (он был третьим сыном), Александр завел свои собственные мыловаренный и свечной завод. Предприятие его процветало, но пережив отказ невесты, молодой купец стал тяготиться светской жизнью. Уход в монахи в Саровскую пустынь младшего брата Иоанна, юноши 17–18 лет, Александр принял как Божий знак для себя. В 1857 г. Александр Минин был принят в Русский Пантелеимонов

монастырь на Афоне, а в 1859 — пострижен с именем Арсения. Деньги от продажи завода, присланные ему родственниками, он полностью передал монастырю<sup>24</sup>.

Наряду с многообразной и широко простирающейся территориально (по всей России и за ее пределами) благотворительностью особенно видных купеческих родов четко прослеживается по источникам рассматриваемого периода массовая православная традиция купечества среднего достатка и мелких торговцев и производителей считать благотворительность (пусть и скромных масштабов) непременным условием существования своего и потомков.

Примечателен в этом отношении такой вид источников, как духовные завещания, специально рассмотренный в этом качестве исследовательницей И. А. Кремлевой по архивным материалам Вологодской обл.<sup>25</sup> Автор отмечает, что в каждом документе есть указания о пожертвованиях храму в виде денег, земли, домов, разных предметов или животных. Средства на церковные поминовения души усопшего выделялись разные, в зависимости от достатка. В иных завещаниях они предназначались многим церквям, монастырям или имели в виду не только супругу (супруга) завещателя, но и потомков. Бывали завещания, где поминование не упоминалось, но само собой подразумевалось, например, при определении средств на строительство церкви. Возможен был и такой вариант, когда все купеческое имущество завещано конкретному наследнику, но с оговоркой об употреблении доходов на богоугодные дела и поминование<sup>26</sup>.

Почти в каждом описании и больших, и малых городов разных регионов России, составленном местными жителями (иногда и в записках путешествующих), отмечаются пожертвования купцов на строительство храмов. На Урале, например, как полагает С. В. Голикова, купцы становятся основными строителями церквей с середины XIX в.: в Екатеринбурге, Перми, Сарапуле, Кунгуре, Оренбурге, Елабуге, Вятке, Верхотурье<sup>27</sup>. Маломощное купечество обеспечивало строительство церкви групповыми уси-

<sup>23</sup> Там же. С. 515–517.

<sup>24</sup> Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Введенская Оптина пустынь, 1994. Ноябрь. С. 458–466.

<sup>25</sup> Кремлева И. А. Религиозность купечества и других сословий по материалам духовных завещаний // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: Этнографические исследования и материалы. М.: Наука, 2002. С. 128–139.

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> Голикова С. В. Православие в повседневной жизни городского населения Урала (XVIII — начало XX в.) // Уральский город XVIII — начала XX в.: проблемы социальной истории. Екатеринбург, 2014. С. 83–90.

лиями, местами создавая специально для этой цели сообщество. Вклады группы купцов могли смениться со временем активностью одного<sup>28</sup>.

Обильный материал об участии разных сословий, в том числе купечества, в возникновении и дальнейшем существовании монастырей, содержится в фундаментальном исследовании О. В. Кириченко, посвященном истории женского подвижничества в России XIX — первой половины XX в. Купечество помогало своими капиталами при переходе православных общин в статус монастыря, так как при этом требовался определенный вклад в банке, проценты с которого в дальнейшем становились существенной частью монастырского бюджета. К концу XIX в., по мнению автора, русское купечество все активнее включается в созидание религиозных общин монастырского типа: жертвуют деньги, землю, основывают такие общины в собственных имениях<sup>29</sup>.

Разумеется, вклады купечества на нужды городов и сел, как массовое явление, не ограничивались строительством или внутренним оборудованием церквей и основанием и снабжением монастырей. К купцам обращались за помощью местные власти и общественные организации по самым различным поводам, в повседневных делах и в экстремальных ситуациях. Суть их поведения — согласие на вклад — оставалась духовной и тогда, когда объект вложения был чисто хозяйственным или даже не очень одобряемым дарителем. За этим стояло осознаваемое (в силу религиозного воспитания и принадлежности к Церкви в зрелом возрасте) евангельское указание — «просищему у тебя — дай».

Уже в 1827 г. было сформулировано утверждение: «Отречение от личных выгод есть первое основание нравственности сословия купеческого. К сему основанию присоединяются: добрая вера, совесть и честность»<sup>30</sup>. Современная

исследовательница духовно-нравственного облика павловопосадских купцов В. И. Грязнова<sup>31</sup> и Я. И. Лабзина полагает, что отличительной чертой менталитета русского купечества в целом была благотворительность. Это мнение выражалось и в некоторых предшествующих ее работе исследованиях<sup>32</sup>.

Полный добровольный отказ от богатства ради задачи духовного совершенства, еще не полученного юридически, но уже ощутимого с детства в своей семье, являли молодые отпрыски купеческих семей, уходившие в монастыри. Обычно это случалось в особо благочестивых семьях. Из купцов г. Болхова Орловской губ. происходил архимандрит Моисей, настоятель Тихоновой Калужской пустыни, в миру — Михаил Федорович Красильников. Он ушел из дома тайком, в 23 года (1837 г.), хотя жил с родителями во взаимной любви, и в силу его серьезности они надеялись на активность его в делах. Лишь позднее он пришел за их благословением на монашество. Из дворовых Ярославского помещика, выкупившихся на свободу и занявшихся торговлей, происходил духовник той же пустыни — о. Ефрем, в схиме — Иоанн (1807—1884). У них обоих родительские семьи были благочестивые, не сребролюбивые, хотя и занимались торговлей<sup>33</sup>.

Из богатых купцов г. Оскола Курской губ. происходил известный афонский старец иеросхимонах Иероним (1803—1885), в миру — Иоанн Павлович Соломенцев. Отец его — Павел Григорьевич Соломенцев, хотя и был благочестив, не отпускал сына в монахи до 27 лет, так как некому было вести дело: старший его брат уже ушел в монастырь раньше Иоанна, а младшие еще не подросли. «Весь род Соломенцевых отличался вообще наклонностью к подвигам духовным: из него около 15 человек мужского и женского пола подвизались в иночестве»<sup>34</sup>.

<sup>28</sup> Кондрашина В. А. Путешествие по Звенигородскому уезду с губернским секретарем Николаем Волковым в середине XIX в. // Щербатово: Православный историко-культурный альманах. М.: Златограф, 2005. Вып. 2 (7). С. 110–111.

<sup>29</sup> Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России (XIX — середина XX века). Алексеевская пустынь, 2010. С. 117–122.

<sup>30</sup> Глинка С. Речь о нравственном основании купеческого сословия, силе внутренней промышленности и наследственных добродетелях Российского купечества. М., 1827. С. 2.

<sup>31</sup> Василий Иванович Грязнов канонизирован в 1999 г. как местночтимый Московской епархии — праведный Василий Павловопосадский.

<sup>32</sup> Толстухина Н. В. Духовно-нравственный облик русских предпринимателей: церковная и благотворительная деятельность павловопосадских купцов В. И. Грязнова и Я. И. Лабзина // Народное искусство, русская традиционная культура и православие: XVIII–XXI вв. Традиции и современность. М.: Союз Дизайн, 2013. С. 561. См. также: Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; История предпринимательства в России: вторая половина XIX — начало XX века. М., 1999. Кн. II.

<sup>33</sup> Жизнеописания отечественных подвижников благочестия... 1994. Ноябрь. С. 19–50.

<sup>34</sup> Там же. С. 305–309.

В юности оставил своих родителей — мещан из г. Балахны Нижегородской губ., занимавшихся торговлей, другой афонский старец — духовник иеросхимонах Арсений<sup>35</sup>. К купеческому сословию принадлежали родители отца Назария, игумена Старо-Голутвинского Коломенского монастыря — Иван и Анна Бардановы. Они жили в г. Серпухове Московской губ. и занимались производством свечей. Они тоже отличались благочестием (особенно — мать, в частности, была «милостива и сострадательна» к нищим), но тем не менее уже в 8 лет отвезли будущего игумена (в миру — Николай) в Москву «для приучения к торговле». Мальчик жил «в приходе Вознесенской церкви, что за Серпуховскими воротами» у купца Николая Тимофеевича Ремизова. Доверяя мальчика семье Ремизовых, они, конечно, знали, какой дух господствовал в этом доме. Этот дом регулярно посещал родной племянник хозяина — монах. С ним-то и общался много Николай, которому пришлось все же стать приказчиком и осуществить свое давно сложившееся намерение — уйти в монастырь — тоже только в 27 лет<sup>36</sup>.

Эти факты — всего лишь из одного тома «Жизнеописаний отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков». А сколько их было — не ставших известными, особо чтимыми подвижниками, сведения о которых не попали в печать? Никакой статистики на этот предмет, разумеется, нет и быть не может.

Обращаясь к крестьянству, составлявшему большинство населения России, следует подчеркнуть, что религиозно-нравственный подход к социальному неравенству определялся уровнем веры — отдельной личности или общностей, малых и больших. Это положение относится ко всем сословиям, но относительно крестьян мы его особенно выделяем потому, что о крестьянской бедноте больше всего беспокоились искренние, и лукавые борцы за справедливость.

Основанные на православной вере нравственные традиции крестьянства по рассматриваемому

нами вопросу имели значительную историческую глубину. Для XVIII в. они уже подвергались исследованию на материале разных источников. Отмечалась устойчивость понятий милосердия, сочувствия и помощи пострадавшему, охотная и приветливая подача милостыни, принятие на ночлег. Широко бытовало представление, что в лице каждого постучавшего в двери странника предстоит Сам Иисус Христос. Большое значение придавалось данному слову, выполнению взятых на себя обязательств<sup>37</sup>.

О многообразных проявлениях устойчивой православной веры в массе крестьянства и соответствующих этических нормах в XIX — начале XX в. свидетельствуют разнотипные источники (описания губерний чиновниками, ответы с мест на программы научных обществ, официальная документация сельских сходов и других учреждений, церковные летописи, мемуары, корреспонденции участников и наблюдателей крестьянской жизни и др.)<sup>38</sup>.

Согласно этой основе мировоззрения к богатым относились, как правило, в зависимости от того, как было нажито богатство и как оно использовалось. Уже в начале XIX в., т. е. до отмены крепостного права, официально (на уровне министра финансов) был отмечен нарастающий по всей стране размах крестьянской предпримчивости. Государство откликнулось на этот процесс законом 1812 г.: крестьянам было разрешено вести самостоятельно крупную и мелкую торговлю различными товарами. Теперь они могли не прибегать к прикрытию своей деятельности именем помещика или купца. В результате, как утверждали современники, «торгующие крестьяне, по великому количеству своему, овладели совершенно многими частями городских промыслов и торговли, коими прежде занимались купечество и посадские»<sup>39</sup>.

Реформа 1861 г., как известно, дала новый толчок крестьянской предпримчивости. Тем не менее, как в дореформенный период, так и во вто-

<sup>35</sup> Там же. С. 309–312.

<sup>36</sup> Там же. С. 377–389.

<sup>37</sup> Семёновский В. И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устои. 1882. № 2. С. 81, 84, 87–88, 98; Словцов П. А. Историческое обозрение. СПб., 1886. Кн. 2. С. 283; Громыко М. М. Духовная культура русского крестьянства // Очерки русской культуры XVIII века. М.: Изд-во МГУ, 1990. Ч. 4. С. 324–327 и др.

<sup>38</sup> Подробнее об этом см.: Громыко М. М. Проблемы, методы и источники исследования этических традиций восточных славян (XVIII—XIX вв.) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов. М.: Наука, 1983. С. 108–123; Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007. 2-е изд. С. 8–219; Громыко М. М. О единстве православия в Церкви и народной жизни русских // Традиции и современность. 2002. № 1. С. 3–31.

<sup>39</sup> Рыдзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 76, 88; Громыко М. М. Отношение к богатству и предпримчивости русских крестьян XIX — начала XX в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнограф. обозрение. М., 2000. № 2. С. 92–96.

рой половине XIX — начале XX в. в крестьянской среде, по свидетельству многих источников разного характера, сохраняются устойчивые нравственные понятия о необходимости честности, надежности в деловых операциях, в выполнении своих обязательств. Эти свойства вообще входили в понятия русских крестьян о чести. Умение держать слово особенно проявлялось в сделках, заключавшихся без письменных документов. О договоре, заключенном на словах, говорили, что он заключен «на совесть». Честность крестьян в выполнении устной договоренности, в неприкосновенности чужой собственности была настолько очевидным явлением, что купцы доверяли им на слово крупные партии товара — это подчеркивается в описаниях нравов некоторых уездов (конец 50-х годов XIX в.). В других (первые годы XX в.) та же суть выражена иначе: «Нескончаемое число договорных сделок, заключаемых крестьянами между собою и с людьми иносословными, делается в огромном числе без скрепления какими-либо формальными актами». Широко была распространена аренда земли на словесно сформулированных условиях<sup>40</sup>.

Крестьянство в массе своей хорошо различало богатых, живущих по-Божьи, и эгоистичное богатство, ставшее самоцелью, относясь к первым благожелательно, а ко вторым — с неприязнью и даже враждебно. Важно не то, богат ты или беден, а благочестив ли. Нечестивец может быть и бедным. Сами по себе области наживания богатства — земледелие, промышленность, промыслы, торговля — не вызывали недовольства, кроме одной — ростовщичества. Дело было не только в том, что здесь не видели труда, знаний, смекалки, ценимых крестьянством в предпримчивом человеке, но, главным образом, в том, что дача в долг под проценты противоречила понятиям взаимопомощи, отзывчивости на чужую беду, милосердия, столь органичных менталитету русских. Современники отмечают во многих местностях сохранение практики беспроцентных ссуд, особенно в непосредственном, близай-

шем окружении. Вопрос об отношении к процентам на капитал был, в частности, рассмотрен обстоятельно известным статистиком, чл.-кор.<sup>41</sup> Петербургской Академии наук Ф. А. Щербина<sup>42</sup> по материалам Воронежской губ. 1880-х годов. Статистик пришел к выводу, что общий взгляд на проценты как на дело греховное остается у крестьян господствующим<sup>43</sup>. Сходная картина нравственно дифференцированного подхода к финансовым взаимоотношениям вырисовывалась при внимательном наблюдении и на севере — в совсем иной хозяйственной ситуации. Так, в Белозерском у., например, при займе на необходимые хозяйственные потребности крестьяне давали деньги в долг на срок и без срока — всегда без процентов. Если же заем делался для промышленного или торгового предприятия и на большую сумму, то указывались проценты и выдавалась расписка. Иногда и при выдаче крупных сумм «верили на слово». Словесные обязательства по займам учитывались и крестьянским судом, с привлечением свидетельских показаний. Мелкие ссуды — печеным хлебом, мукой, зерном для посева — принято было давать без срока (не только без процента) — с условием «уплатить при первой возможности». Торговцы отпускали беднякам ссуды под залог имущества, производимого крестьянином: овчин, холста и пр. Практиковалась и отдача долга работой<sup>44</sup>.

Да, не хотелось народу расставаться со справедливым подходом в области хозяйственно-финансовых отношений и доныне не хочется. Ох, уж эта «отсталая Россия» с ее особым путем! А отставали-то насколько от Запада: ведь там уже в XIII—XIV вв. знали ростовщичество. Великий английский драматург Уильям Шекспир в XVI в. выдал человечеству яркий и страшный образ купца-ростовщика Шейлока, бесчеловечно, вплоть до смерти должника, требовавшего зафиксированной расплаты. А в России какой поднялся шум по поводу развивавшегося в конце XIX — начале XX в. ростовщичества! Возмущались, били в набат люди разных социальных слоев и направ-

<sup>40</sup> Архив Российского Этнографического музея (далее — АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1791. Л. 12–12 об, 13; Д. 1783. Л. 10–11; Д. 1810. Л. 28–29; Д. 1814. Л. 3 (Ярославская губ.); Успенский П. Очерки юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сб. М., 1859. Кн. 1. С. 16; Рыльский Ф. Р. К изучению украинского народного мировоззрения (экономические отношения) // Киевская старина. 1903. Кн. 5; Сборник статистических сведений по Московской губернии. М., 1879. Т. IV, вып. 1. С. 310–319; Громыко М. М. Отношение к богатству... С. 96–99.

<sup>41</sup> Федор Андреевич Щербина (1849—1936) получил образование в Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии и Новороссийском (Одесском) университете. В 1887—1903 гг. заведовал Воронежским земским статистическим бюро, был редактором трудов этого бюро.

<sup>42</sup> Щербина Ф. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду // Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Воронеж, 1887. Т. II, вып. 2. С. 319–330.

<sup>43</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 676. Л. 1—2. Сведения по Белозерскому у. Новгородской губ., основанные на собственных наблюдениях, представлены в Тенишевское бюро П. Г. Вересовым.

лений: духовенство, беспокоившееся о судьбах своих крайне обедневших прихожан, помещики, чиновники местных органов власти, деятели земства, журналисты разных направлений<sup>44</sup>. Для России кредит был новостью. Не заменили давным-давно сложно доступных христианских, Божьих истин простым и ясным чистоганом (стоимостной оценкой деятельности и жизни), регулируемым лишь приспособливающимся к нему законом. Человек, не слушающий своей совести (или уже не имеющий ее), легко преступает закон — впрямую или тонкими хитростями. Именно христианских истин, — ведь в Евангелии ясно сказано: «и взаймы давайте, не ожидая ничего» (Лук. 6, 35).

Другой проблемой крестьянской повседневной действительности, где непосредственно соприкасалась богатство и бедность, было в пореформенный и предреволюционный периоды отходничество. Общественная мысль разных направлений и здесь отмечала немало отрицательных моментов во влиянии отхода на нравственность крестьянства. Как справедливо пишет современная исследовательница отходничества О. В. Смуррова, отрицательные явления — более заметны, а «традиционность в образе жизни крестьянина, проживающего в городе, не очень обращала на себя внимание. Хотя верующих крестьян, преодолевавших испытания городской жизни, было не так уж и мало. Более того, пожалуй, можно предположить, что именно крестьяне являлись в столицах хранителями православия, способствовали укреплению благочестия в многоконфессиональных столицах»<sup>45</sup>. В качестве одного из заметных показателей этого автор приводит данные о благотворительной деятельности обществ, основанных по земляческому принципу: в них входили бывшие отходники из конкретных губерний или уездов, осевшие на постоянное жительство в Санкт-Петербурге. Такие организации возникли на рубеже XIX—XX вв. среди выходцев из Олонецкой, Вологодской, Костромской, Рязанской, Тамбовской, Архангельской, Ярославской и Тверской губерний<sup>46</sup>.

О. В. Смуррова использовала архивные материалы отчетов земляческих благотворитель-

ных обществ. Ярославская губ. представлена в отчетах тремя благотворительными структурами: Ярославское, Мышкинское и Общество вспоможения уроженцев г. Углича и его уезда. Земляческие благотворительные общества обеспечивали жильем и питанием мальчиков, приехавших на заработки, до их трудоустройства; устраивали приюты для малолетних с ремесленными классами; оказывали помощь медицинскую, в трудоустройстве, в отправке на места выхода; выделяли пособия для семей, потерявших кормильцев и пр. Характер деятельности разных обществ примерно совпадал. Все они видели свою задачу в помощи землякам в столице, а иногда — и на малой родине<sup>47</sup>.

Индивидуальная благотворительность на местах выхода осуществлялась и до создания земляческих общин и параллельно с их деятельностью. Автор приводит примеры таковой: бывший крестьянин создает в родном селе богадельню для призрения бедных и престарелых крестьян; другой жертвует средства на сельскую богадельню для бедных женщин крестьянского сословия; третий — вносит вклады во все церкви Чухломского у., а в родном селе строит каменную церковь, приют с ремесленными классами и богадельню. В общей форме это явление было отмечено в обзоре Ярославской губ. К. Д. Головщикова в 80-х годах XIX в.: «Мы знаем несколько бывших ярославских крестьян, которые в небольшой сравнительно промежуток времени сделались из простых рабочих крупными капиталистами и, уже осевших в разных городах купцами, не забывают, необходимо прибавить к их чести, мест своей родины, устраивая там то церкви, то школы, то разные приюты и богадельни». А в 1894 г. другой наблюдатель этого же региона вывел свое заключение на характеристику менталитета русских в целом: «Случаи оказания помощи отдельным лицам со стороны зажиточных отхоженников весьма нередки. А выражается оная ссудой денег, а иногда и хлеба для продовольствия и посева. Вообще из сделанных мною наблюдений в этом отношении русский человек отличается скорее щедростью, чем своекорыстием, и более или менее зажиточный домохозяин

<sup>44</sup> Сазонов Г. П. Ростовщичество-кулачество: Наблюдения и исследования. СПб., 1894; Гвоздев Р. Э. Кулачество-ростовщичество в его общественно-экономическом значении. СПб., 1898; Китанина Т. М. Хлебная торговля в России в конце XIX — начале XX века. СПб., 2011.

<sup>45</sup> Смуррова О. В. Благочестие крестьян-отходников. Их влияние на религиозную жизнь столиц. Благотворительность земляческих общин XIX — начала XX в. // Народное искусство, русская традиционная культура и православие XVIII—XXI веков. М., 2013. С. 555.

<sup>46</sup> Там же. С. 555–556.

<sup>47</sup> Там же. С. 556.

делится с неимущим не только избытком, но отдает иногда то, что предназначалось бы самому»<sup>48</sup>.

Крестьяне, уходившие в города на сезонные и долгосрочные заработки, как и оседавшие там на постоянное жительство, лишь продолжали, сохраняли давние традиции благотворительности, действующие в их сельских (поземельных) общинах. В чем выражался религиозно-нравственный подход к социальному неравенству в деятельности общины — этой основной ячейки низового самоуправления страны? (Нам, изучающим историю России XIX — начала XX в., следует помнить, что наряду с имперским самодержавием и в глубоком согласии с ним существовали народные низовые органы самоуправления, самостоятельно и успешно решавшие местные насущные проблемы<sup>49</sup>.) Сходка общин, напомним, опиралась преимущественно на обычное право, не вступая, как правило, в противоречие с государственным законодательством<sup>50</sup>. Повсеместно в России были приняты в общинах *мироплатимые наделы*, т. е. такие наделы земли, по которым подушное обложение и другие повинности общество берет на себя. Платежи с таких наделов и трудовые обязанности раскладывались на всех общинников. Решение о превращении надела в мироплатимый принималось на сходке, причем в значительной мере зависело от состояния дел в целом, т. е. в богатых обществах с большими наделами вдовы полностью освобождались от каких-либо обязанностей, а в малоземельных мириах — лишь от части их<sup>51</sup>.

Правственный подход присутствовал во всей системе распределения наделов и раскладки платежей, а не только в вопросе о мироплатимых наделах, при том, что способы наделения землей и раскладки налогов были многообразны и могли различаться даже на соседних территориях.

Один из широко распространенных способов — раскладка по разрядам: «Подати и повинности в данной местности раскладываются по разрядам: в 1-м разряде состоят более исправные домохозяева и рабочие души, во 2-м разряде состоят менее состоятельные и не рабочие души, в 3-м разряде состоят умершие и убыльные души. Есть много душ, за которых общество принимает на себя подати, но надела земли не отнимает, с неисправными плательщиками общество принимает меры, отдавая в заработку или принимает раскладку на себя»<sup>52</sup>. Итак, первый разряд, состоявший из наиболее зажиточных крестьян, выделялся для того, чтобы сверх положенного на них по раскладке, они несли платежи и труды за умерших (общество продолжало платить за них до следующей ревизии — переписи податного населения) и убыльные души. Менее состоятельные дворы от этого освобождались.

Поскольку вопросы эти государство представляло на рассмотрение общин, решения были многообразны, но во всех вариантах просматривается милосердный подход — готовность сострадать бедствующему и помочь ему<sup>53</sup>. В самой прямой форме это выражалось в решениях сходов о конкретных случаях помощи нуждающемуся трудом — *помочами*<sup>54</sup>.

При всей практической сметке, свойственной людям, труд которых вкладывается в земледелие, устойчиво-спокойному восприятию крестьянством вопросов поземельных отношений способствовало понятие о принадлежности земли Богу — «земля Божия». Понималось оно так, что земля не только по происхождению своему, но и по существующему на ней и ныне порядку вещей — принадлежит Богу. Это народное воззрение неоднократно отмечалось наблюдателями и исследователями<sup>55</sup>. Представления русских

<sup>48</sup> Там же. С. 556–557.

<sup>49</sup> Подробнее об этом см.: Громыко М. М., Буганов А. В. Указ. соч. Ч. 2: Русская община. С. 225–406.

<sup>50</sup> О масштабах действия обычного права см., в частности, библиографию: Якушкин Е. И. Обычное право. Вып. 1: Материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1875. (1542 наименования исследовательских работ и статей в периодике с кратким изложением содержания); Вып. 2. Ярославль, 1896 (2389 наименований с более подробным, чем в первом выпуске, изложением); Вып. 3. М., 1908 (1082 наименования с подробным изложением содержания); Вып. 4. М., 1909 (1056 наименований, многие с подробным изложением содержания).

<sup>51</sup> См., напр.: Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбов, 1880. Т. I: Борисоглебский уезд. С. 84–85; Астырев Н. Крестьянское хозяйство в Воронежском уезде // Юридический вестник. 1886. № 1. С. 164–168; Марусин С. (Швецов С. П.). Очерк форм пользования землею у крестьян Тюкалинского округа // Восточное обозрение. 1887 и др.

<sup>52</sup> Архив Русского Географического общества (далее — АРГО). Ф. 57. Оп. 1. Д. 19. Л. 45–46. Енисейская губ., Казачинская волость.

<sup>53</sup> Кузнецов С. В. Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских: XIX—XXI вв. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 115–117.

<sup>54</sup> Подробнее об этом см.: Громыко М. М. Обычай помочь у русских крестьян в XIX в. (К проблеме комплексного исследования трудовых традиций) // Советская этнография. 1981. № 4–5.

<sup>55</sup> Щербина Ф. Сольвычегодская земельная община // Отечественные записки. 1879. № 8. С. 72–76; Кузнецов С. В. Традиции русского земледелия: практика и религиозно-нравственные воззрения. М., 1995. С. 134–136; Громыко М. М., Буганов А. В. Указ. соч. С. 263–265 и др.

крестьян об ограниченности любых прав на землю, поскольку истинный собственник ее — сам Бог, вполне соответствует определению Священного Писания: «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Лев. 25, 23).

Обычным вопросом на сходке были дела, касающиеся сирот. Назначение опекунов к малолетним сиротам и ежегодные отчеты по опеке официально входили в состав «предметов сельского схода»<sup>56</sup>. Фактически сиротская тема охватывала широкий круг нравственных вопросов, так как рассматривались и качества опекунов, и обсуждались очень разные судьбы детей<sup>57</sup>.

Великий реформатор Петр Аркадьевич Столыпин неставил задачу уничтожения общин как таковой. Его реформа дала возможность выйти из общин, при сохранении за собой земельного надела на правах собственности, тем крестьянам, которые к этому стремились. Верующий человек и талантливый государственный деятель, он был самоотверженно предан Отечеству и Престолу и искренне желал улучшить положение крестьянства, в котором видел оплот русской государственности. Действовать ему приходилось в страшной предреволюционной обстановке, когда вражьи силы, якобы заботящиеся о благе народа, убивали «случайно» десятками ни в чем не повинных людей, не участвовавших в политике и испытывавших жизненные трудности, а в думе даже среди рукоплескавших Столыпину членов (центр и правые) были предатели, уже готовившие заговор, осуществленный в феврале 1917 г.<sup>58</sup>

Крестьян, желающих выйти из общин, оказалось немного: за 1907—1915 гг. — 16 % всех хозяйств. Постепенно выход из общин почти совсем прекратился<sup>59</sup>. На наш взгляд, не следует связывать прекращение этого слабо выраженного

процесса со смертью Столыпина. Просто те, кто хотел выйти, были уже удовлетворены. Почему их оказалось относительно немного? Потому что крестьянская предприимчивость, как правило, уживалась с общиной и была заинтересована в ее сохранении. Выше мы говорили о деятельности купеческих семей, вышедших из крестьян, об осевших в городах отходниках. Благожелательность общины к предпримчивым односельчанам проявлялась также в принятии инициативы переселенцев. До реформы 1861 г. это происходило преимущественно за счет государственных крестьян. Община давала разрешение на отъезд, но они продолжали платить за себя подати, по принятой той или иной раскладке, пока не будут официально отчислены от данной общины. Переселенцы могли, например, жить уже несколько лет в качестве «иногородних» в станице Ставропольской губернии, войдя здесь в общину, а подати продолжать платить на месте выхода — в Курской, Воронежской, Смоленской, Рязанской, Орловской и других губерниях. В Кавказской области эта ситуация заканчивалась с переходом в казачье сословие<sup>60</sup>.

Исторический опыт русской деревни показывает, что при развитии индивидуального хозяйства, наделенного правами и обладающего социальной инициативой, бывают полезны и достаточно самостоятельные территориальные общности, в которые входят эти хозяйства, обладающие четкими правами местного самоуправления и контроля. Они допускали инициативу отдельного хозяина, но не до безмерного своеуправления в ущерб соседям или общему состоянию природной среды. Контроль общиной не позволял погубить, иссушить луг, загрязнить техническими отбросами лес и т.д. Коллективная совесть общины была основана на вере и отдельных лиц, и целых семей, отличавшихся благочестием, и

<sup>56</sup> Сборник постановлений для руководства волостных и сельских управлений. СПб., 1853. С. 88.

<sup>57</sup> Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX века). Новосибирск, 1979. С. 294—299; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1533. Л. 4; Д. 1762. Л. 1; Д. 121. Л. 2; Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту: Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя Тенишева. Брянск, 1907. С. 56—57; Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 164; Златовратский Н. Н. Деревенские будни: Очерки крестьянской общины // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве. М., 1987. С. 301.

<sup>58</sup> См., напр.: Бок (Столыпина) М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. М.: Товарищество «А. Н. Сытин и К°», 1992. С. 123—130 (при покушении на убийство П. А. Столыпина 12 августа 1906 г. от взрыва бомб погибли и были ранены десятки людей не только в доме, но и в саду — ожидающие приема у председателя Совета министров); Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия // Столыпин П. А. Полное собрание речей в государственной думе и государственном совете: 1906—1911. М.: Молодая гвардия, 1991; Оболенский А. В., князь. Мои воспоминания / предисл. и публ. Н. Н. Вуколова // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. М.: Наука, 2008. Вып. 2. С. 351—364 и другие источники.

<sup>59</sup> Платонов О. А. Столыпинская реформа 1906—1911 гг. // Русское хозяйство: Святая Русь. С. 868.

<sup>60</sup> Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 252. Д. 1511; Ф. 418. Д. 320; Ф. 160. Д. 135а; Ф. 162. Оп. 1. Д. 1; Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 245—258.

на глубоком укоренении в общественном сознании понятий страха Божия, милосердия, помощи ближнему<sup>61</sup>. В самом прямом виде возможности религиозно-нравственного подхода общины как таковой выражались в рассматриваемый период в строительстве *на общинной земле* по желанию самих крестьян церквей и образовании монастырей (сначала — религиозных общин, получавших затем статус монастыря)<sup>62</sup>.

Личная, индивидуальная благотворительность крестьянства органично сливалась с милосердием, желанием помочь ближнему и дальнему, оказавшемуся в тяжелом и просто затруднительном положении. Это широко отражено в источниках разного типа, которые мы назвали выше. «Нищему никогда не откажут ни в хлебе, ни в ночлеге», «очень гостеприимны и внимательны к нищим и странникам», «лавку в переднем углу и последний кус хлеба крестьянин всегда готов с душевным усердием предоставить нищему», — такие и близкие к ним формулировки зафиксированы в сведениях, поступавших из разных губерний России<sup>63</sup>.

Кроме подачи по просьбе и гостеприимства в отношении нищих и странников, существовали еще закрепленные обычаем конкретные поводы и сроки для угощения нищих и раздачи милостыни: по большим праздникам приносили угощение в церковь и после службы оделяли нищих; на

Святки христославцев не только угощали, но в Сибири, например, незваному гостю (после христославления) отсыпали муку, крупу и вместе с другими продуктами грузили на воз и пр. Очень распространена была подача милостыни в связи с похоронами и поминальными днями. Наряду с такими явными проявлениями нищелюбия широко практиковалась и вполне осознавалась как наиболее угодная Богу — тайная милостыня, неоднократно уже отмеченная в современной этнографической литературе<sup>64</sup>.

Того или иного рода индивидуальная и некрупная благотворительность была повседневным делом в крестьянской среде. Ее не подчеркивали и почти не замечали, но она существенно смягчала нравы и подготавливала людей к принятию решений в более масштабных делах — на сходке общины или при личном обогащении.

Острая постановка вопроса о делении крестьянства на бедняков, середняков и кулаков — теоретическое детище марксизма-ленинизма; оправдание жесточайших репрессий против массы нормально трудившихся в деревне крестьян; особенно закреплена в общественном сознании в сталинский период — в школьных учебниках, через кафедры марксизма-ленинизма во всех вузах, через террор против инакомыслящих исследователей, через все то порабощение сознания, подчинение его неусыпному

<sup>61</sup> Романов Н. Шацкий уезд // Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. VI. Тамбов, 1884. С. 154–171; Романов Н. Кирсановский уезд // Там же. Тамбов, 1886. Т. X; Бирюкович В. Крестьянское хозяйство в черноземно-степной полосе (губерния Поволжья) // Северный вестник. 1886. № 4. С. 88–107; Макаренко А. Ульбинская община: Общинное землевладение в поселке Ульбинском Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области // Восточное обозрение. 1887. № 42; Куликовский Г. И. Артельные и мирские запашки, сенокосы и здания в Обонежье // Русская мысль. 1890. № 5; Рожкова М. К. Сельское хозяйство и положение крестьянства // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959. С. 42–45; Плющевский Б. Г. Социальное и хозяйственное развитие вятской деревни в 40-х — 50-х годах XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963. С. 394–395; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 234–383; Ратушняк В. Н. Земельный фонд Кубанской области и его распределение в период капитализма // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 209; Будаев Д. И., Фябкис Г. Т. К вопросу о формировании сельской буржуазии в XIX — начале XX в. (По материалам Смоленской губернии) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1971 г. С. 281–287; Кабанов В. В. Кооперация как канал взаимодействия различных социально-экономических укладов // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 100–108; Громыко М. М. Община и предпримчивость // Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях... С. 316–323.

<sup>62</sup> Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России (XIX — середина XX века). С. 98—107; см. в этом номере: Шушвал Н. А. Храмопечение в традиционном укладе жизни севернорусских крестьян (по материалам Вологодской губ. второй половины XIX — начала XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 83–95.

<sup>63</sup> АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99. Л. 32; Д. 1791. Л. 24; Д. 683. Л. 8–9; Руднев А. Села Голунь и Новомихайловское Тульской губернии Новосильского уезда // Этнографический сб. СПб., 1854. Вып. II. С. 109; Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. LXIX. М., 1890. С. 58; Поллавская Х. В. Паломничество, странноприимство и почитание святынь (по материалам Рязанского края) // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001. С. 291–292.

<sup>64</sup> АРГО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 52; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 2. С. 283; Кремлевская И. А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков. С. 78–79; Тульцева Л. А. Тайная милостыня // Православная вера и традиции благочестия у русских крестьян в XVIII—XX веках: Этнографические исследования и материалы. М.: Наука, 2002. С. 90–100 и др.

контролю партийных органов, которое осуществлялось десятилетиями.

В. И. Даль, как известно, десятилетиями (с 1819 по 1860 г.) собирал в разных районах страны сведения о том, как *употребляется в народе*, в каком понятии, то или иное слово. Значение слова кулак (не в отношении кисти руки, а в социальном смысле) у него определено: «Скупец, скряга, жидомор, кремень, крепыш; // перекупщик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик, особ. в хлебной торговле, на базарах и пристанях, сам безденежный, живет обманом, обсчетом, обмером: маяк орл. орел, тархан тмб., варяг мск., *торгаш с малыми деньжонками*, ездит по деревням, скупая холст, пряжу, лен, пеньку, мерлушку, щетину, масло и пр. прасол, прах, денежный барышник, гуртовщик, скупщик и отгонщик скота; разнощик, коробейник, щепетильник, см. оfenя»<sup>65</sup>. При всем многообразии собранных В. И. Далем значений нет даже намека на богатого крестьянина, занимающегося сельским хозяйством. Есть отрицательный, критический смысл, но он относится к перекупщику, нечестному в своем деле.

Не встречается название «кулак» и в самом конце XIX в.—в знаменитой программе сбора этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленной князем В. Н. Тенишевым, очень подробно вникающей в жизнь крестьянства. В соответствующем вопросе программы говорится о богатых и бедных крестьянах: «Пользуется зажиточным крестьянин большим уважением со стороны своих односельчан, или являются и другие отношения между бедными и богатыми?». Во всем остальном тексте обширная программа вопрошают о крестьянстве в целом<sup>66</sup>.

В советское же время эшелоны арестованных «раскулаченных» крестьян вывозили (вместе с семьями) из родных мест и высаживали в пустынных местах — тундре Кольского полуострова, степях Казахстана, сибирской тайге и пр. Предлагали копать себе землянки. Все под охраной, без права куда-либо отъехать. Это были нормально хозяйствавшие на своей земле крестьяне. «У нас бедняками бывали только ленивцы

и пьяницы», — объясняла мне (автору данной статьи) «раскулаченная» из Кубани, из тех, кого высаживали около станции Апатиты в голую тундру, из выживших. Они заселили потом в бараках значительную часть г. Хибиногорска (Кировска), так называемый «20-й километр». Очень похожие факты — вывоз большого количества крестьян из родных мест и высаживание их в пустынной степи в районе Караганды — описаны в воспоминаниях жителей этих мест<sup>67</sup>. Оценку вопроса о крестьянском достатке и «кулацкой» деятельности, подобную услышанной в Хибиногорске, мне довелось получить уже во время войны, в Удмуртии, в с. Якшур-Бодья, от русских женщин, прежде — крестьянок, работавших там в русском (эвакуированном) детском доме: «Какие там кулаки! Все работали усердно на своем хозяйстве. А если когда и нанимался кто-то к другому поработать за деньги — это и тому, и другому было нужно, мы по-соседски, дружно». Да что там «полевые» сведения моих отрочества и юности! Об этом написал замечательный сибирский священник — протоиерей Валентин Бирюков, сам переживший мальчиком (ему шел восьмой год) со своей семьей и большим количеством крестьян тяжелый путь в ссылку — в глухие леса Томской обл. «Вышли все продукты. Да к тому же все у нас отобрали — не было ни мыла, ни соли, ни гвоздей, ни топора, ни лопаты, ни пилы. Ничего не было. Даже спичек не было — все выжгли в дороге. Привезли нас в глухую тайгу. Милиционеры показывают на нее — „Вот Ваша деревня!“»<sup>68</sup>. Тайга оказалась добре людям: в ней был даровой лес, даровая еда. А прибывшие были верующие труженики. Они выстроили, с Божьей помощью, деревню Макарьевку и завели здесь хозяйство. Привезли их в 1929 г., а в 1937 г. (!) на одной только улице арестовали в этой деревне «одиннадцать мужиков». «Никто не знает — куда. Страшно это — люди работали, не покладая рук. У всех, как и у моего отца, руки были огрубевшими от работы — топор, лопату из рук не выпускали. А дали разнарядку на арест — и трудяг-мужиков превратили во „врагов народа“. Тем, кто этого не

<sup>65</sup> Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1956. Т. II. С. 215.

<sup>66</sup> Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России / сост. князем В. Н. Тенишевым на основании соображений, изложенных в его книге «Деятельность человека» (СПб., 1897). Изд. 2-е, испр., доп. Смоленск, 1898. С. 379. Программа переиздана в качестве приложения в книге: Быт великорусских крестьян-земледельцев. Описание материалов этнографического Бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / авт.-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993.

<sup>67</sup> Карагандинский старец, преподобный Севастиан / сост. В. Королева. М.: Паломник, 1998. С. 15–26, 46.

<sup>68</sup> Протоиерей Валентин Бирюков. На земле мы только учимся жить. Непридуманные рассказы. Издание десятое. М.: Даниловский благовестник, 2009. С. 8–11.

испытал, даже представить трудно, как в нашей России происходило это ужасное»<sup>69</sup>.

Все подобные события, происходившие по всей стране, — особая, большая, очень важная тема исторических исследований. Я позволила себе здесь лишь небольшой экскурс за хронологические пределы предмета данной статьи для того, чтобы предостеречь современных ученых от марксистско-ленинской оценки состояния крестьянства в России в предреволюционный период. Настоящее размежевание идет не по имущественному или сословному положению, а по вере, памяти о Боге, совести, укреплении в добре через Церковь и ее таинства.

Обращаясь в рамках нашей темы к дворянскому сословию, оговорим сразу же некоторые общие посылки подхода к сословному неравенству. Мирное сосуществование сословий, их гармония в жизнедеятельности государства определялись не только исторической давностью их возникновения, но, прежде всего, религиозным сознанием того, что *всякое служение Православному Государю и на всяком месте есть благое, богоугодное дело*. Отмена обязательности военной службы дворянства (1762 г.) способствовала укреплению идеала добровольного жертвенного служения Царю и Отечеству. В XIX в. прослеживаются поколения дворянских родов, стремившихся следовать этому идеалу в разных сферах деятельности<sup>70</sup>. Представитель одного из таких родов — князь Алексей Васильевич Оболенский писал (уже после революции — в 1953 г., в Стокгольме) об этом так: «Александр 3-й за все свое царствование взял к себе в свиту только пять человек, из коих два были Оболенские. Наш древний род, берущий свое начало от Рюрика и далее от Владимира Святого, тысячу лет вместе с другими князьями, а потом Царями и Императорами собирали и хранили Россию, часто своею кровью запечатлевая все славные дела свои на пользу родины. Всегда близко стоя к народу, наши предки общались с ним как со своими братьями. Интересы личные всегда уступали интересам Государства, и не знала других Оболенских история Государства Российского. За 35 лет советчины погибло много членов нашего рода, не пожелавших поклониться идолам»<sup>71</sup>.

В то же время возможность перехода в дворянское звание из других сословий активно

использовалась. (Так, в 1816 г. личные дворяне составляли 44 % от всего дворянства.) Этот процесс, смягча восприятие межсословного неравенства, в то же время увеличивал внутрисословные различия. Но и то, и другое преодолевалось религиозно-нравственным подходом верующих людей. Отошедшие же от веры дворяне-вольнодумцы, демократы, революционеры, предавшиеся рационалистическим учениям или продавшиеся внероссийским враждебным силам, подчеркивали, преувеличивали всякое неравенство для разжигания розни и бунта. Интересна в этом отношении оценка Тихона Николаевича Куликовского-Романова (1917—1993), внука императора Александра III, родного племянника Царя-страстотерпца Николая II: «Революция в России готовилась более ста лет. После победы над Наполеоном побывавшие в Париже дворяне-офицеры принесли с собою идеи французской революции. Расцвели разные тайные общества, члены коих чувствовали себя отщепенцами от России, от ея истории, ея культуры, ея религии. Ея форм правления и ея простого народа. Добиваясь полной власти в стране и перестройки общества по своим теориям, объединенные присягой хранить тайну, они создали как бы государство в государстве, считая себя „избранным народом“ в противовес „большому народу“, против которого они и повели наступление. <...> Первым взрывом этого положения было восстание войск в Петербурге 14-го декабря 1825 г. (по старому стилю), вошедшее в историю как «бунт декабристов». В планы заговорщиков уже тогда входила мысль даже о поголовном истреблении (annihilation) Царственного Дома... Правда, не все на это были согласны. Некоторые спорили — не пощадить ли женщин и детей? Вообще планы были кровожадные, но довольно расплывчатые. <...> После подавления бунта виновные были наказаны. Революция ушла в подполье. Ее „факел“ теперь переходит в руки „нигилистов“ — озлобленных на свою судьбу жизненных уродов, отрицающих вообще все. Начинаются террористические акты, убийства из-за угла, кульминацией которых стало убийство либеральнейшего императора, Царя-Освободителя Александра II. <...> Но еще крепок был русский народ в своих недрах. И „революция 1905 г.“ была подавлена. Однако ее последствием

<sup>69</sup> Там же. С. 19–21.

<sup>70</sup> См., напр.: Абросова Е., Федоров А. История села Васильевского. Ч. 1. Приложение: Родословная князей А. Г. Щербатова и А. А. Щербатова — последних владельцев Васильевского // Мартино: Православный историко-краеведческий альманах. М., 1996. Вып. 1. С. 40–52.

<sup>71</sup> Оболенский А. В., князь. Указ. соч. С. 326.

было основание Думы — „русского парламента“, долженствовавшего быть органом совещательным в помощь Государю и Его министрам. Но, к сожалению, с места в карьер революционный дух проник в Думу. Ее выборные делегаты пошли против правительства <...><sup>72</sup> (подчеркнуто мною. — М. Г.).

Т. Н. Куликовский-Романов был человеком не только хорошо осведомленным в силу своего происхождения и окружения, но глубоко верующим, воспитанным в православном благочестии с раннего детства и продолжавшим развивать это свойство до последнего часа. К его оценке настроений и действий части дворянства, отошедшей от веры, близки позиции князя А. В. Оболенского, к воспоминаниям которого мы уже обращались выше:

„Во Франции сапожник бунтует, чтобы барином стать, понятное дело, — у нас революцию сделала знать, в сапожники захотела“, — давно сказал еще граф Растворин. Так и вышло, не пролетарии у нас подготовляли революцию, а Камергер Родзянко, Генерал-Адъютант Алексеев, богатый купец Гучков, Терещенко и многие другие, снабжая революцию деньгами. По указке устроили революцию правые, а левым уже не трудно было углубить ее, пользуясь демагогией Керенских и Милюкова<sup>73</sup>.

В отличие от Т. В. Куликовского-Романова, которому не в чем было каяться по поводу революции — он родился в 1917 г., князь Оболенский сопровождает свои обличения покаянием. «Чем больше уходишь в глубь воспоминаний, чем больше задумываешься об историческом прошлом нашей дорогой великой России, тем больше волнует мысль, как могли мы не ценить то, что имели, как не уберегли и не поддержали своего Государя, олицетворявшего наше величие, как не думали хотя бы о своем личном благополучии. На интеллигенции, зараженной социализмом, распропагандированной рабочей массе и малой части аристократии, продавшейся темным силам, лежит вся ответственность за пролитые потоки крови русского народа и все потерянное. Несчастный русский народ в своем большинстве не причастен революции. <...> Трудно предвидеть, как восстанет из пепла наша родина. Одно можно с радостью признать, что не сумели убить темные силы и не умерла душа русского

народа, душа-христианка, душа высоких подвигов и строительства. Братское единение народов разных национальностей, свободных в своем национальном развитии, под державной властью Императора, окруженного добрыми советчиками, а не предателями — вот светлое будущее России. Без Бога и Царя не восстановить России<sup>74</sup>.

На благотворительность дворянства особое влияние оказывал пример доброделания лиц Императорского Дома, хотя он сказывался и на других сословиях. Начиная с Марии Федоровны, супруги императора Павла I, все императрицы отличались не только личной обильной благотворительностью, но и широкой ее организацией. Сразу же после вступления на престол Павел I передал в управление супруге «Воспитательное общество благородных девиц», а в 1797 г. — воспитательные дома в С.-Петербурге и Москве, где она занялась проведением широких реформ. А на свои личные средства императрица открыла сиротское училище (с 1800 г. — Мариинский институт). При правлении своих сыновей — императоров Александра I и Николая I — Мария Федоровна продолжала возглавлять эту деятельность, а императрицы Елизавета Алексеевна и Александра Федоровна активно в этом участвовали, особенно в распространении женских институтов (в Петербурге, Москве, Харькове, Симбирске, Полтаве, Одессе и др. городах). В результате после смерти Марии Федоровны Ведомство «учреждений императрицы Марии» включало: воспитательные дома, Императорское женское патриотическое общество, попечительство о слепых, попечительство о глухонемых, ведомство детских приютов, больницы и пр. Под покровительством императрицы Александры Федоровны (жены императора Николая I) состояло Попечительство о домах трудолюбия и рабочих домах. Основанное в 1802 г. Императорское человеколюбивое общество оказывало помощь нуждающимся посредством бесплатных учебно-воспитательных заведений, приютов, богаделен, дешевых квартир, народных столовых, медицинских учреждений, выдачи пособий и т. п.

Супруга Александра II — императрица Мария Александровна, возглавившая Ведомство императрицы Марии (так называемое IV отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии), не только заботилась о правиль-

<sup>72</sup> Цит. по: Куликовская-Романова О. Н. Царского рода. Тихон Николаевич Куликовский-Романов. 1917—1993. СПб., 2004. С. 100—104.

<sup>73</sup> Оболенский А. В., князь Указ. соч. С. 365.

<sup>74</sup> Там же. С. 374—375.

ной и широкой постановке дела в многочисленных подведомственных ему учреждениях, но начала открывать всесословные женские учебные заведения и пр. При императрице Марии Федоровне (супруге Александра III) прибавились к прежнему комплексу коммерческие училища, Гатчинский сиротский институт, многие больницы, учебные и благотворительные общества. Во всей этой благотворительной деятельности постоянно участвовали личные капиталы императриц и других членов Императорского Дома. (Например, Мария Федоровна, супруга Павла I, завещала пяти институтам своего ведомства около 4 млн руб.)<sup>75</sup> Широкий отклик благотворительности всех сословий вызвала исключительно активная деятельность императрицы Александры Федоровны по созданию и обеспечению лазаретов, организации курсирующих на фронт поездов, обеспечению их медикаментами, эвакуации раненых и пр. во время войны 1914 г.<sup>76</sup>

Проявлявшиеся в развитии революционного процесса различия в среде дворянства не были связаны с имущественным неравенством внутри этого сословия. Между тем оно было очень велико: от однодворцев, образ жизни которых приближался к крестьянскому, до тех аристократов, которые владели несметными богатствами. Дворянская благотворительность в пользу монастырей и церквей, в которой наиболее непосредственно выражалась религиозная основа использования своего богатства на нужды других, осуществлялась людьми разного достатка, различаясь, естественно, размерами и формой вложений<sup>77</sup>. На строительство больших храмов в широко известных монастырях значительные средства иногда выделялись представителями разных сословий. Так, в создание великолепного храма в честь Черниговской иконы Божьей Матери в Гефсиманском скиту Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (1889—1898 гг.) крупные вклады сделали: княгиня Е. П. Черкасская, купчиха А. И. Осипова, купцы Патрикеевы и крестьянин Д. В. Киселев<sup>78</sup>. Но и другие виды благотвори-

тельности, имевшие *внешне чисто мирскую* задачу, по существу своему были связаны с состоянием веры дарителя и нередко требовали от него особых усилий чисто духовного характера. Не случайно этот вопрос обсуждается в переписке святителя Филарета со светскими лицами. Так, в письме к графине Е. В. Новосильцевой (между ними была длительная и обширная переписка) он разъясняет: «Мысленные смущения при деле милосердия суть обыкновенная в подобных случаях брань. Надобно, чтобы душа подвизалась сквозь толпы помыслов пробиться в область чистой любви. Подвигом сие делается, а не мановением, благодатью, а не планом разума. Подвизайтесь, молитесь, ожидайте, уповайте. Господь да совершает в Вас дело Свое и да даст Вам в общении с ним утешение, победу, силу и защиту»<sup>79</sup>. И в другом случае (предположительно, княгине С. И. Баратовой): «То правда, что некоторых Бог посредством бедности ведет ко спасению: но сие Он Сам делает, а вам сего делать не поручил, а Вам сказал Сын Божий: от сущих творите милостию (Лк. 11, 41). Исполняйте сию заповедь и спасетесь ею. А для того, нужно ли кого очистить бедностью, Бог не попросит у Вас помочи. Если хочешь сделать добро и искушашся помыслом тщеславия и если дело терпит время, не спеши делать и укроти помысл тщеславия. Но если надоально накормить голодного, поспеши накормить и также поспеши осудить и попрать твое тщеславие»<sup>80</sup>. И в другом случае: «Кормить нищих занятие доброе, надоально только, чтобы сие было как можно менее гласно»<sup>81</sup>.

Беспокоясь о главном — духовном благополучии народа (а не суetном и материальном), святитель неустанно разъяснял своим корреспондентам вторичность, малую значимость дилеммы богатство—бедность. «В чем состоит бедствие? В лишении богатства? Разве не живут люди в бедности? Если иные избирают ее добровольно, как полезное для христианина оружие, почему не принять ее с миром, когда она приходит путем Провидения? Но трудно перенести сию перемену

<sup>75</sup> Русское государство: Святая Русь / Большая энциклопедия Русского народа. М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2002. С. 322, 481–482; Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Репринтное издание. М., 1992. Т. I. С. 341.

<sup>76</sup> Блохина Н. Н. Августейшие сестры милосердия в годы Первой Мировой войны // Традиции и современность. М., 2014. № 15. С. 39–44.

<sup>77</sup> Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России... С. 107–117; Он же. Отношение к богатству в русской православной традиции (XVIII — начало XX). С. 64–81.

<sup>78</sup> Гефсиманско-Черниговский скит при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре (краткий очерк истории 1844—1990) / авт.-сост. В. М. Еремина. Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 25–26.

<sup>79</sup> Святитель Филарет Московский. Указ соч. С. 273.

<sup>80</sup> Там же. С. 409.

<sup>81</sup> Там же. С. 282.



Щербатова О. А.

человеку, не готовившемуся к ней и находящемуся в преклонных летах. Это правда. Но трудно, а не невозможно: потому что Бог не дает искуситься паче еже моши»<sup>82</sup>.

О благотворительности аристократов, обладавших огромными состояниями, сохранилось немало свидетельств. Так, о княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой пишет в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович:

«Женщина редкой красоты и глубокой духовной культуры, она мужественно переносила тяготы своего громадного состояния, жертвуя миллионы на дела благотворительности и стараясь облегчить человеческую нужду»<sup>83</sup> (курсив мой. — М. Г.). Свидетельством духовного характера ее светской по форме благотворительности служит дружба с будущей преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Федоровной, их совместная деятельность, одобрение отдельных объектов. «Мы были в Вашем приюте — изумительно!» — пишет Юсуповой Елизавета Федоровна<sup>84</sup>.

В других случаях самый способ вложения капитала не требует никаких дополнительных подтверждений его религиозно-нравственного характера. Так, семья княгини О. А. Щербатовой во время войны купила и полностью оборудовала железнодорожный состав, превратив его в лазарет на колесах. В течение трех лет (1914—1916) Щербатовы сами трудились в нем — состав вывозил с фронта раненых, болеющих, изуродованных, умирающих и размещал их по имениям Щербатовых, в специально устроенных постоянных лазаретах. Начальником поезда была сама княгиня Ольга Александровна. Она оплачивала продовольствие раненых и всю работу поезду<sup>85</sup>.

Все это было естественным продолжением давно сложившихся традиций благочестия в этой семье, выступавших явно в экстремальной ситуации войны. Позволим себе привести по этому поводу лишь один документ — часть письма князя Александра Александровича Щербатова, морского офицера (сына Ольги Александровны — начальницы поезда), от 14 февраля 1904 г., к своей невесте, княгине Софии Сергеевне Васильчиковой: «Ты так спокойно пишешь и видимо это письмо, что оно и на меня подействовало умиротворяюще. А то все эти дни это какой-то смутный ад — тебе не кажется это по моим письмам, а? Сегодня утром, например, я стоял в церкви на коленях и пели, знаешь, „Ныне силы небесные с нами невидимо служат“ и еще когда 3 мальчика поют перед царскими вратами, и звуки дивно, дивно успокоительно неслись куда-то вверх, я закрыл лицо руками и видел

<sup>82</sup> Там же. С. 182–183.

<sup>83</sup> Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания: 2 книги в 1 томе. М., 2004. С. 197.

<sup>84</sup> Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны. М.: Православное сестричество во имя преподобномученицы Елизаветы, 2011. С. 327, 329.

<sup>85</sup> Абросова Е. А. Памяти кн. О. А. Щербатовой // Щербатово: Православный историко-литературный альманах. М.: Златограф, 2005. Вып. 2 (7). С. 36–38.

что-то, чувствовал, что-то смутное. Там где-то вдали светло-хорошо. А тут раньше — смерть, кровь — геройская борьба за принципы идеи. Я видел, что многое надо перенести, пережить. Я о себе, о всех окружающих забыл совершенно — со мною творилось что-то неизъяснимое, и встал с колен успокоенный с твердою решимостью не отступать — положиться на волю Божию — а там будь что будет — упаду не раз, снова с Божией помощью встану. Я теперь совершенно трезво смотрю вперед, но, Соня, помяни мое слово, приготовляйся — наступает время и оно близко уже, когда Россия и вера православная наша русская потребует от всех своих граждан мужчин и женщины безразлично всего-всего-всего, что у них есть. Я убежден, что the ultimate triumph [окончательная победа] и история вселенной будет наша, но трудные времена придется пережить. Помяни мое слово, может быть это достанется не нашему поколению, но уже близко при дверях, во всяком случае, на нашем поколении будет лежать трудная и ответственная работа по подготовлению России к будущим испытаниям. Теперь не время отдыхать, надо работать до истощения силы, до смерти, иначе мы будем не на высоте своего положения. Не время заниматься личными делами — а особенно для тех, кто это сознает — это преступно. Я верю в дивное будущее для России, как воплотившей заповеди Христовы, но это будущее зависит от нашей работы. Мистицизм и желание проникнуть в Божии тайны отпали, если мне суждено понять отдаленный таинственный смысл путей Божиих, то Бог это мне Сам укажет, а цель

жизни должна быть работа во Славу Божию и по стопам Христа. <...><sup>86</sup>.

«Мы, избыточествующие, достойно ли избыточствуем?» (формула святителя Филарета<sup>87</sup>) — эта проблема беспокоила многих верующих людей из дворянства, обладавших разным достатком. В России XIX — начала XX в. было с кем посоветоваться по этому поводу: отвечали им устно и письменно святитель Игнатий Брянчанинов и святитель Феофан Затворник, преподобный Амвросий Оптинский и другие оптинские старцы, праведный Иоанн Кронштадтский и многие менее известные подвижники и подвижницы благочестия. На фоне нарастающей революционной пропаганды<sup>88</sup> и открытых взрывов провокаций и злобы<sup>89</sup> эта проблема становилась особенно актуальной. Люди, оставшиеся в результате нарочито устроенных в разных городах пожарищ без крова (а некоторые и без необходимых вещей), нуждались в помощи. Благотворительность им оказывалась со стороны всех сословий — через общие сборы. В Петербурге для размещения погорельцев на первое время были предоставлены некоторые из зданий первого сухопутного госпиталя, казармы лейб-гвардии стрелкового батальона, старый арсенал. «Многие из домовладельцев изъявили желание поместить у себя некоторое число погорельцев»<sup>90</sup>.

Такая масштабная благотворительность, как строительство монастырей, церквей, больниц или покупка поездов (именных!) не могла проходить незаметно (хотя в некоторых случаях богообязанные люди и это делали под чужим именем), но существовала еще у дворян, как и у крестьян, так сказать, обыденная благотворительность:

<sup>86</sup> Там же. С. 43–44.

<sup>87</sup> Святитель Филарет Московский. Указ. соч. С. 259.

<sup>88</sup> Свт. Филарет (Дроздов) писал в 1850-х годах архимандриту Антонию (Медведеву), наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: «Если хотя за один год взять все худое из светских журналов и соединить, то будет такой смрад, против которого трудно найти довольно ладана, чтобы заглушить оный». Святитель Филарет Московский. Указ. соч. С. 635.

<sup>89</sup> О злонамеренной организации вспышек жестокого озлобления свидетельствует, например, обстановка в Петербурге непосредственно перед обнародованием реформы 1861 г. и сразу после ее объявления. Генерал-фельдмаршал граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816—1912) писал по этому поводу в своих воспоминаниях: «Начавшиеся еще с 1860 года проявления революционного движения внутри России все усиливались и к началу 1862-го года приняли уже угрожающий характер. Наши русские революционеры подавали руку польскому восстанию. Хотя последнее имело совершенно свои исторические корни и руководствовалось собственными, национальными побуждениями, не имевшими ничего общего с замыслами наших русских анархистов, тем не менее одновременность возникновения того и другого движения, сходство в образе действий и употребляемых средствах наводили, естественно, на мысль о связи между ними. Насколько в польском восстании заметна была руководящая рука с Запада, настолько же во внутренней нашей крамоле подозревались (да и, действительно, оказывались) польские козни и участие польских агентов. Как в Варшаве и Западном крае, так точно и внутри России, даже в самой столице, мирное население находилось под страхом ежедневных угроз, возмутительных возвзываний, уличных демонстраций и, наконец, убийств, поджогов и всяких других средств терроризма». Автор воспоминаний описывает, в частности, зверские целенаправленные поджоги Апраксина двора и многих других мест Петербурга, в результате которых «беднейшая часть населения осталась без крова: в Ямской, на Охте и т. д.» (подчеркнуто нами. — М. Г.), — Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860—1862 / под ред. д. и. н. проф. Л. Г. Захаровой. М., 1999. С. 304–305, 352–353.

<sup>90</sup> Там же. С. 154.

подать нищему, пригласить и накормить приехавших к местной святыне богомольцев, помочь собственному крестьянину, попавшему в беду, и пр. Свт. Филарет учил своих чад по этому поводу: «Надобно делать благое возможное. Нет пользы роптать на невозможное»<sup>91</sup>.

В отношении анонимности скромных дел благотворения интересен способ, доступный для тех, кто имел контакты с каким-либо праведником и мог осуществлять помощь через него. Нуждающиеся обращались к праведнику, зная, что сам-то он ничего не имеет и ведет подвижнический образ жизни, но ему присылают деньги его чада, живущие на расстоянии, и просто побывавшие у него люди, благодарные ему за помощь. Так, в жизнеописании иеросхимонаха Иоанна Нило-Сорского (пострижен в рясофор в 1861 г.) говорится: «Получаемые деньги он раздавал частью на нужды монастыря и частью бедным. Поэтому все в окружности знали его, как своего благодетеля, и он снабжал каждого, кто только к нему обращался. Одному, например, даст на лошадку, другому — на коровушку, третьему поможет построиться, иному просто на хлеб даст или на семена, и никому не было отказа»<sup>92</sup>.

Если человек не только обладал некоторым богатством, но и наращивал его, то распространенное мнение о нем в любой сословной среде зависело от того, не обижает ли он при этом других — ближних и дальних. Но настоящая духовная оценка была глубже: у него не должно быть пристрастия к этому росту богатства.

«Если сказано: богатство аще течет само собою, не прилагайте сердца, не гораздо ли хуже, чтобы сердце за ним гонялось?» — наставлял святитель Филарет. Он имел в виду при этом 61-й псалом. И здесь же цитировал (1Тим. 6, 9): «Если, как сказывает апостол: *хотящии богатитеся впадают в напасти и в сети и в похоти многи несмыслены и вреждающия*, то как не грешно питать такие желания? Некоторые, связанные узами общественной жизни, могут себя в сем извинять, как в грехе невольном, а те, которые более или менее разрешились от сих уз, как оправдаются, если без нужды хотят обложить себя сетями, льстя себе, что не запутаются в них? Если не хотите сказать, что это грешно, по крайней мере не можете сказать, что это благоразумно»<sup>93</sup>.

О том, что сребролюбие — грех, знал и знает каждый посещающий православную церковь человек: ведь оно определено в этом отношении в составе обязательных вечерних молитв и в каноне, читаемом перед причащением. В первом случае оно названо — многостяжение — в перечне исповедуемых повседневных грехов, во втором — в обличении для покаяния: «О безумный человече, доколе углебаши, яко пчела, собирающи богатство твое? Вскоре бо погибнет, яко прах и пепел: но более взыши Царствия Божия». Но одно дело — знать, другое — исполнять при всех возникающих трудностях. И святитель Филарет, как и многие другие духовные лица, неустанно разъяснял в наставлениях конкретным людям нюансы душевного и духовного состояния при благотворительности: «Легко заниматься благотворением, как игрою, в удобное время: более труда, более истинного благотворения. Бог да примет и то благотворение, которое совершается ради спасения возлюбленного ближнего, и да научит благотворить с большею чистотою, ради Возлюбившего всех. Согрешаем, когда благим намерениям не верно и не точно следуем, но благ Господь и в том, что благие намерения и побуждения посыпает. Покаемся в грехе, признаем благодать, укрепимся в надежде, ободримся в подвиге и не обленимся, пока есть время, и Бог дарует помощь» (1836 г.)<sup>94</sup> (выделено нами. — М.Г.).

В определенном случае святой митрополит благословляет преодолеть свое желание замкнутого образа жизни, чтобы реализовать возможность помочь многим: «Уединение и сокровенность жизни дело благое. Но, по выражению Вашему, ужас быть в обществе, — позвольте сказать, что это не добродетель; а что не добродетель, то надо исправлять, а не порабощаться тому. Рассмотрите дело и Ваше положение. Вы можете сделать доброе и желательное, основать благотворение для многих, для потомства, благотворить душам отшедших Ваших и Вашей, но для сего надо вынести ужас — явиться между людьми. Что же делать? Попросите совета у христианского человеколюбия: что тут делать? Думаю, оно скажет, что для столь великого добра столь многим как не перенести сего ничтожного ужаса? Поставьте меня хоть целый день на улице на смотр людьми: только бы сделать сие

<sup>91</sup> Святитель Филарет Московский. Указ. соч. С. 347.

<sup>92</sup> Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. С. 274.

<sup>93</sup> Святитель Филарет Московский. Указ. соч. С. 413.

<sup>94</sup> Там же. С. 349.

добро. Но чей же это голос, который говорит, что хотя бы желательно достичнуть исполнения доброго намерения, но нельзя; не позволяет ужас показаться людям? Конечно, это не голос человека любия. Вы скажете: это голос печали. Я должен прибавить по справедливости: печали самоугождающей, не желающей преломить свою волю ради любви к ближним. Ради Бога, не прогневайтесь на меня; а рассудите о том, что говорю, спокойно, и что признаете правдою, то примите, а меня простите в том, что хочу извлечь сучец из ока ближнего, бревна в моем оке не видя» (1840 г.)<sup>95</sup>.

Само духовенство как сословие не только принимало благотворительность — на строительство и текущие задачи монастырей и церквей, но и благотворительствовало, как в оказании милосердия монастырями и приходами, так и в деятельности отдельных лиц. В постсоветский период этот вопрос хорошо разработан, в частности, на архивных материалах деятельности Русской Православной Церкви в Кomi крае<sup>96</sup>.

По материалам Ярославской епархии Г. Н. Храпковым рассмотрено сотрудничество духовенства и купечества в сфере благотворительности. Автор подчеркивает, что «тема благотворительности является одной из наиболее востребованных и изучаемых в современной исторической науке», а Ярославская губ. представляет в этом отношении особый интерес «как развитая в промышленном и торговом отношении»<sup>97</sup>. Речь идет о строительстве церковно-приходских школ и приютов. Рапорты об этой деятельности священники отправляли в консисторию, поэтому подробные материалы об этом виде благотворительности XIX — начала XX в. сохранились до наших дней в областных архивах — в фондах консисторий. Автор выявил фамилии 18-ти купцов, давших средства на строительство церковно-приходских школ, — Ларионов, Пастухов, Вахромеев, Дунаев, Яков-

лев, Красильников, Забелин, Муромцев, Портретов, Колесов, Сотников, Бродский, Мартынов, Мухин, Баскаков, Пряников, Прохоров, Андреев. В совместной деятельности одной пары — благочинный из г. Углича священник Андрей Большов и купец 2-й гильдии Кирилл Ларионов — были построены школы в четырех приходах — в селах Захарыне, Высокове, Криушине и Грибанове<sup>98</sup>. Благотворительность духовенства в такого рода деятельности выражалась в великом самоотверженном труде сверх всех нелегких обязанностей священнической службы.

Формы соработничества духовенства с другими сословиями в деле помощи страждущим были многообразны, так как Церковь не только постоянно разъясняла духовное значение милосердия для того, кто его творил, но и проявляла инициативу в конкретных сборах средств у мирян и занималась их организацией. Многие из этих форм рассмотрены М. Ю. Горожаниной по материалам Кубани: выделение средств, позволяющих детям из бедных семей учиться в школах, создание интернатов при школах; выделение специальных стипендий Черноморского казачьего войска для талантливых детей из бедных семей; создание сиротских домов; проведение по всему краю благотворительной акции в пользу прибывших в Россию из Константинополя православных греков, вынужденных покинуть Турцию из-за постоянных притеснений, угроз и преследований властей, содействие им в устройстве дальнейшей жизни и другие направления благотворительности<sup>99</sup>.

Реальное денежное обеспечение всех этих направлений осуществлялось либо Казачьим войском (специфика этого края), либо (преимущественно) частными лицами разных сословий и разного достатка. Речь идет о религиозно-нравственном подходе к использованию светского имущества для светских целей, при этом организатором является Православная Церковь.

<sup>95</sup> Там же. С. 362–363.

<sup>96</sup> Сурков Н. И. Страницы истории социальной работы в Кomi крае (1860—1918). Сыктывкар, 1998; *Он же*. Благотворительная деятельность священнослужителей Русской Православной Церкви в Кomi крае в начале XX века // Социальное служение Русской Православной Церкви: исторический опыт и современное состояние: Материалы науч.-практ. конф. Сыктывкар, 1998; Бондаренко О. Е., Кубышкина Л. Т. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в Кomi крае (конец XIX — начало XX в.) // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Историческое краеведение и архивы. Вологда, 2001. Вып. 7. С. 55–64.

<sup>97</sup> Храпков Г. Н. Сотрудничество духовенства Ярославской епархии и купечества в сфере благотворительности (вторая половина XIX — начало XX в.) // Наследие преподобного Серафима Саровского и будущее России: Материалы Шестой ежегодной Всерос. науч.-богословск. конф. Санкт-Петербург—Саров—Дивеево. 25–28 июня 2009 г. Нижний Новгород: Глагол, 2012. С. 642.

<sup>98</sup> Там же. С. 643–647.

<sup>99</sup> Горожанина М. Ю. Благотворительная деятельность // Дело мира и любви: Очерки истории и культуры православия на Кубани. «Традиция». Православный Екатеринодар: «Традиция», 2009. С. 116–119.

В период гражданской войны на Кубани продолжалась активнейшая благотворительная деятельность приходов. В целом по стране эту деятельность отметил Всероссийский Церковный Собор 1919 г.: «При каждой Церкви действуют приходские советы — эти маленькие ячейки организованного добра. Здесь священники и лучшие церковные люди находят настоящее поле для своей деятельности. Приходские советы — это кладезь милосердия, жалости и любви к своим близким. В приходе заключается вся созидаательная сила Православной Церкви»<sup>100</sup>. «В целом же, подводя итог всему вышесказанному, — заключает М. Ю. Горожанина, — следует особо подчеркнуть, что Православная Церковь своей благотворительной деятельностью не только способствовала сглаживанию социальных противоречий в обществе, улучшению материального положения бедных, но и существенно оздоровливала нравственный климат в стране. Отделив Церковь от государства, большевики нанесли ощутимый удар по моральным основам России, тем самым способствовали развитию цинизма и равнодушия»<sup>101</sup>.

Весьма органично сочеталась светская задача обучения сирот и детей из малоимущих семей с сугубо церковной, духовной задачей отбора молодежи в монахи — в создании и деятельности учебных заведений при монастырях. В этом участвовали благотворители разных сословий. В таких школах обучали грамоте и началам ремесла при внимательном духовном воспитании и оставляли затем в монастыре не всех желающих, а с отбором<sup>102</sup>.

Индивидуальная благотворительность нередко реализовывалась в жизни благочестивого человека последовательно: сначала в качестве мирской, потом — церковной. Так, Игумен Вонифатий (в миру Дамиан, 1785—1871), основатель скита Феофании Киево-Златоверхо-Михайловского монастыря, вернувшись из армии в родное село Михайловка Александрийского у. Херсонской губ., успешно занимался хозяйством и при этом принимал странников, а «амбар его со съестными припасами всегда был открыт для бедных». Через несколько лет он решил исполнить свой давний обет — жить в монастыре. Половину имущества

он оставил жене (детей не было), а свою часть раздал бедным. Придя в Киев, он сначала трудился продавцом свеч ей при Троицкой церкви и здесь стал участником одной из форм странноприимства: благочестивая старица, «видя его строгую подвижническую жизнь», предложила ему деньги для приема странников. Дамиан принял предложение, нанял комнаты в двух этажах под Киево-Андреевской церковью и в них «кормил и поколил странников». Став монахом, иеромонахом, а в 1868 г. игуменом, он на всех стадиях отличался благотворительностью и странноприимством. Характерны наставления отца Вонифатия по поводу подачи милостыни: «Кто бы ни был просящий, дай ему. Пусть он будет и на коне, а ты идешь с простой клюкой, — попросит, не откажи. При этом случае он беднее тебя, и нуждается в помощи, как нищий. С ласкою и благодушием снабди его и, по возможности, в большей мере, нежели сколько просит тот. И не старайся познавать достойного от недостойного, пусть все люди будут равны для тебя ради доброго дела, ибо сим способом можем и недостойных привлечь к добру»<sup>103</sup>.

Личная, индивидуальная благотворительность духовенства, выраженная в странноприимстве, местами (на популярных путях богомольцев) достигала размеров монастырской. Протоиерей Александр Юнгеров (Чигринский) и его жена, в период священнического служения батюшки в селе Балакове Саратовской губ., принимали ежедневно партии богомольцев — кормили и предоставляли ночлег. Дело в том, что их дом, построенный близ новой церкви, оказался около тракта, по которому «в начале весны шли обычно большими партиями «странники», то есть пешие богомольцы из Заволжья в Киев и другие святые места» (курсив. — М.Г.). Стечение их было особенно велико не только весной — по пути в Киев, но и летом — по пути из Киева<sup>104</sup>. Интересно, как в жизнеописании о. Александра отмечается преемственность в традиции приема странников. Речь идет о матушке, на которую ложились основные тяготы по этому благочестивому делу: «Сама несколько раз бывавшая у святых мест и от матери своей, также несколько раз бывавшей в Киеве, слышавшая и видевшая

<sup>100</sup> Цит. по: Горожанина М. Ю. Указ. соч. С. 123.

<sup>101</sup> Там же. С. 126.

<sup>102</sup> Андрианов А. Ю. Причины и обстоятельства ухода в мужские православные монастыри в России XIX — начала XXI века. Владимир, Свято-Успенский Космин монастырь: Транзит — ИКС, 2011. С. 78–85.

<sup>103</sup> Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Декабрь. Ч. 2. Введенская Оптина Пустынь, 1995. С. 318–327.

<sup>104</sup> Там же. С. 262–263.

нужды богомольцев в ночлеге, месте отдыха, пропитании и пр., жена о. Александра положила себе за правило и все время (более 20 лет) пребывания в Балакове (с 1860 года — перехода в новый дом) свято выполняла его <...><sup>105</sup>.

Личная благотворительность осуществлялась и на уровне архипастырей, сочетавших ее с церковной. Святитель Филарет Киевский, к которому нередко обращались за денежной помощью и получали ее, был особенно требователен к благочинным в общечерковных делах попечения о вдовах и сиротах. В митрополите Филарете Киевском, как и в свт. Филарете Московском, удивительным образом сосуществовали святость собственного образа жизни с виденьем и деятельностью государевенника. (Недаром император Николай I говорил о них обоих: «О церковном управлении много беспокоиться нечего: пока живы Филарет Мудрый да Филарет Благочестивый, все будет хорошо»<sup>106</sup>.) Поэтому заслуживает внимания высказывание киевского митрополита по поводу благотворительности, выраженное в выговоре нерадивому в этом отношении благочинному: «Эх! Отец благочинный, какой же ты благочинный, коли не желаешь благо чинить ближним и какой же ты отец в среде вверенных попечению твоему всех без различия лиц нашего общего, родного, духовного сословия. Отселе же ты знай и другим передавай, что благочинный есть собственно тот, у которого в инструкции, а паче всего на скрижали сердца, должны значиться первым параграфом слова царя Давида: „тебе оставлен есть нищий, сиры ты буди помощник“... Иначе смотри, отче, чтобы над нами не сбылось другое слово царя Давида: „иже с гордым оком и несытым сердцем, — с сим не ядрах и сего изгонях“... А эти слова недаром читаются каждый день на утрени на первом часе. Внемли убо сему, и премени твое и око и сердце!» (выделено нами. — М.Г.)<sup>107</sup>.

У приходского духовенства в сельской местности сословные и имущественные различия с крестьянством внешне почти совсем сглаживались, оставаясь в области права. Многие из священников сами обрабатывали землю, трудились на пасе-



Филарет Киевский

ке и пр. Это не мешало их духовному авторитету, напротив, он увеличивался, поскольку наиболее близкий к крестьянству образ жизни вели несребролюбивые отцы, имевшие высокие достоинства в церковном служении<sup>108</sup>.

В среде интеллигенции, не составлявшей сословия, но, несомненно, имевшей черты особого социального слоя, в течение всего рассматриваемого периода были наиболее распространены разрушительные атеистические и революционные идеи<sup>109</sup>. При этом те из интеллигенции, кто приобрел такое мировоззрение, стремились с исключительной активностью и напором распространять его в разных сословиях, злоупотребляя возможностями своей профессиональной подготовки. Угрожающее положение в этом отношении проявило себя не только в системе

<sup>105</sup> Там же. С. 263.

<sup>106</sup> Святитель Филарет, митрополит Киевский, в схиме Феодосий // Жития сибирских святых. Новониколаевск, 1998. С. 237.

<sup>107</sup> Жизнеописания отечественных подвижников... Декабрь. Ч. 2. С. 58, 59, 65 и др. — о личной благотворительности владельцы.

<sup>108</sup> Миненко Н. А. Русское население Урала и Западной Сибири и православная церковь: XVIII—XIX века // Религия и Церковь в Сибири: Сб. научных статей и документальных материалов. Тюмень: Рутра, 1995. С. 36–55.

<sup>109</sup> Кириченко О. В. Русское дворянство и интеллигенция: противостояние двух социальных сил в XVIII — начале XIX в. // Традиции и современность. 2003. № 2. С. 3–28.

образования (особенно — студенческие беспорядки), издали, читален, публичных лекций, выставок, но даже в армии<sup>110</sup>.

Дело в том, что интеллигенция традиционно противопоставляла культу наживы, богатства ради богатства, с одной стороны, и сословной кичливости, с другой, — интеллектуальные достижения науки, таланты и деятельность в сфере литературы и искусства, знание культуры в целом и принадлежность к ее развитию. Но постепенно усиливающееся выхолащивание духовной, религиозной сути этого развития, отход самих носителей этого развития от Церкви, противопоставление человеческого разума Богу делали интеллигенцию в значительной ее части беспомощной перед наступлением разрушительных идей. И не только слабомощной в защите от них, но и вольной или невольной соучастницей процесса разрушения.

Тем не менее и в этом слое российского общества, как известно, было немало людей, самоотверженно творивших благо для других, не заботясь о своем материальном благополучии, реализовавших в деятельности своей заповедь возлюбленного ближнего своего, как самого себя. Это были верующие интеллигенты, если и мало воцерковленные, то руководствующиеся нравственными принципами, полученными от предшествующих поколений верующих. Они сами осуществляли религиозно-нравственный подход к социальному неравенству и стремились его утвердить в общественной жизни и общественном сознании. Те из них, кто располагал значительными средствами, вкладывали их в создание новых учебных заведений православной и монархической ориентации. Один из наиболее ярких и в то же время наименее известных поступков такого рода — создание в Москве в 1868 г. лицея высокого класса наличные средства широко известных интеллигентов — публициста, издателя М. Н. Каткова (1818–1888) и философа К. Н. Леонтьева (1831–1891)<sup>111</sup>. Лицей был посвящен памяти цесаревича Николая Александровича (старший сын императора Александра II, умерший молодым от болезни). Было построено великолепное здание на Остоженке с большим садом и прекрасным видом на Москву-реку, Нескучный сад и Воробьевы горы. Существует ошибочное мнение, что лицей

был аристократическим учебным заведением. Однако, в него принимались дети всех сословий и национальностей и вероисповеданий (для бесплатного обучения мальчиков из народа при лицее была учреждена семинария). Но ориентация обучения была единая — «воспитать молодое поколение в духе любви и преданности своей родине, великой православной России»<sup>112</sup>.

Москвичи в лицей приходили, а для других была возможность жить при нем: четыре пансиона, каждый из которых представлял собой большую квартиру из трех обширных комнат и спальней. Прекрасные светлые классы, домовая церковь, большие залы, больница, бани. И главное — сильный преподавательский состав. Позднее при лицее были открыты университетские курсы, позволявшие закончить Московский университет за 3 года (университетское отделение лицея помещалось на четвертом этаже того же здания). Рядом с комнатой, где жил автор воспоминаний, князь Оболенский, проживал «скромный, прекрасно воспитанный, отлично знающий языки» студент Сергей Владимирович Симанский — будущий Патриарх Московский и всея Руси — Алексий I. Он закончил Московский Николаевский лицей с серебряной медалью и юридический факультет МГУ — за три года<sup>113</sup>.

Сам М. Н. Катков происходил из очень бедной семьи: отец был мелким чиновником, сыном костромского личного дворянин, и рано умер. Средства, которые Катков вложил в создание замечательного лицея, он приобрел за счет своих талантов и неустанного тяжелого интеллигентского труда<sup>114</sup>. Происхождение и назначение богатства были в этом случае светскими, но по существу поступка и его результатов — глубоко духовными.

Другой вариант интеллигентского воплощения религиозно-нравственной традиции благотворения связан непосредственно с профессиональным трудом. Рассмотрим его на примере врача, удостоившегося занять свое место в «Жизнеописаниях подвижников благочестия». Военный врач Иван Васильевич Лешко-Попель (1860–1903) родился в г. Рогачеве Могилевской губ. Образование получил в могилевской гимназии, затем — на естественном отделении Петербургского университета

<sup>110</sup> См., напр.: Милютин Д. А. Указ. соч. С. 356–366.

<sup>111</sup> Оболенский А. В., князь. Указ. соч. С. 328–329.

<sup>112</sup> Так определяет в своих воспоминаниях направление лицея кн. А. В. Оболенский, который сам его закончил. Там же. С. 329.

<sup>113</sup> Там же. С. 329–330, 335.

<sup>114</sup> Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889.

и в Военно-медицинской академии. Товарищи по гимназии не могли вспомнить, чтобы Ваня Попель когда-нибудь кого-нибудь ударил, дразнил или как-то еще обидел. Дружил он с теми, кто был слабее, вызывал насмешки. Будучи очень способным, он предлагал отстающим заниматься вместе под предлогом, что ему самому так легче — учить вместе с кем-нибудь: «Спасибо, что помог мне выучить урок. Вдвоем мне всегда легче». Будучи студентом, он давал уроки за очень низкую плату. «В больших деньгах соблазну много», — сообщал он добродушно. — «Станешь много получать, всякая блажь в голову полезет. Меньше получать для души полезнее». Из скучных заработков он давал товарищам, кто попросит. После академии его назначили врачом в Екатеринослав, в резервный батальон, где проработал пятнадцать лет. Вот тут-то, при врачебной практике, Иван Васильевич не отказывался от гонораров: все, что давали талантливому врачу богатые, — он тратил на бедных. Участие выражалось многообразно: деньги шли на лекарство; на еду, которую рекомендовал доктор; на сухую квартиру, за которую заплачено на полгода вперед; на покупку ванны (за которой съездил сам, как и за льдом для больного и другими необходимыми предметами, если некому было их принести) и подобные, прописанные самим доктором расходы. При этом посещение на окраинах города всех больных, кто в нем нуждался. Перед смертью врач причастился и сказал детям: «Живите дружно, любите друг друга. Берегите мать. Облегчите ей жизнь. Облегчите и людям жизнь, сколько сможете»<sup>115</sup>.

Россия за рассматриваемый нами период знала тысячи примеров самоотверженного труда учителей, врачей, агрономов, инженеров и представителей других интеллигентских профессий, но лишь немногие из них стали подвижниками благочестия. Многие дали увлечь себя проповедью ожесточения и классовой борьбы, не по бедности, а по причине отхода от веры и Церкви. Как правило, их не увлекало богатство, как условие «красивой жизни» для себя или для других. Незащищенные в невидимой бране, иные из вольнодумцев шли на самоубийство через террористический акт. Какое уж тут милосердие.

Верующая интеллигенция подвизалась на пользу народа также безвозмездным трудом



Катков М. Н.

в местных отделениях разного рода обществ, часто совместно с духовенством. Выделим из них Императорское Православное Палестинское общество, много содействовавшее, в том числе — материально, движению паломников в Святую Землю и духовному просвещению в целом. Вскоре после создания общества в 1882 г. его отделы возникли во многих регионах страны. Благодаря активному участию местной интелигенции, деятельность их быстро вышла за пределы первичной задачи — сбора пожертвований «и ознакомления местного общества со Святою Землею и деятельностью общества». Издавалась литература своими силами, создавались библиотеки и пр.<sup>116</sup>

Почему для множества рядовых, так сказать, верующих православных людей разных сословий и разного имущественного положения оказывались естественными и помочь просящему, и опасения азарта наживы, и желание участвовать в общих благотворительных делах, и стремле-

<sup>115</sup> Жизнеописания отечественных подвижников. Декабрь 1994. Ч. 1. С. 259–272.

<sup>116</sup> Эта деятельность обстоятельно освещена на материале сибирских отделов: Чернышова Н. К. Императорское Православное Палестинское общество: издательская и культурно-просветительская деятельность сибирских отделов // Традиции и современность. М., 2002. № 1. С. 77–85. В приложении — список изданий этих отделов.

ние сохранять скромный образ жизни, и личный труд при наличии богатства? Все это было заложено в обычных проявлениях веры и доступно даже при скромном участии в церковной жизни. *Отказ нищему в милостыне назван в ежедневном перечне грехов в числе первых* (молитва 3-я ко Пресвятому Духу в составе молитв на сон грядущим) — это было и есть сейчас в каждом, самом кратком молитвослове. В молитве Ангелу Хранителю, завершающей посвященный ему канон (чтение его обязательно перед причащением Святых Тайн), *грех сребролюбия назван в числе отгоняющих от человека его Ангела Хранителя*, причем сребролюбие названо даже раньше прелюбодеяния. Это — тоже в каждом молитвослове.

Знаменитый текст из Евангелия (Лук. 16, 19–31) о богаче и нищем Лазаре входит в число обязательно читаемых в церкви (воскресенье, 21-я неделя по Пятидесятнице). Заметим попутно, что читаемые в церкви тексты Евангелия знали хорошо и неграмотные, поскольку регулярно ходили в церковь, многое знали наизусть. Притча о богаче и Лазаре была настолько популярна, что основанная на ней песня прочно вошла в репертуар бродячих певцов и шарманщиков, и в связи уже с их деятельностью возникло присловье «петь Лазаря». При этом понимали, что *богач попал в ад не за факт своего богатства, а за демонстрацию его в своем греховном образе жизни: «одевался в порфири и виссон, и каждый день пиршествовал блистательно»*. А в это время нищий лежал у его ворот в струпьях.

В заключительной главе послания апостола Павла к евреям названы и страннолюбие («Страннолюбия не забывайте ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам»); и указание на необходимость иметь «нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть»; и благотворение, «ибо такие жертвы благоугодны Богу» (13. 2, 5, 16). Относительно сребролюбия первоверховный апостол пишет еще более решительно в первом послании к Тимофею: «А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу. Ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (Тим. 6. 9–10). Наставляя Тимофея избегать соблазна сребролюбия, апостол указывает, что противопоставить ему: «преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости» (Тим. 6. 11). И, наконец, указывает, как вести себя с богатыми: «Богатых в настоящем веке

увещевай, чтобы они невысоко думали о себе и уповаали не на богатство неверное, но на Бога Живаго, дающего нам все обильно для наслаждения; чтобы они благодетельствовали, *богатели добрыми делами*, были щедры и общительны» (Тим. 13. 17–18). Все это знали с детства, из поколения в поколение. Искренне верующие люди находили в этом опору для своего восприятия социальной действительности и соответствующего поведения.

Следует отметить также тесную связь отношения к богатству и представлений о сильной, выдающейся личности. Широко было распространено знание о том, что есть люди необычайной духовной силы, имеющие в результате своей подвижнической жизни дары Божии — т. е. свойства, превышающие обычные человеческие возможности: целительство, прозорливость, особую силу молитв за других людей. Видели, знали — живет человек тихо, в скромной избе, а к нему стремятся за молитвенной помощью, советом, ответом на самые сложные вопросы и богатые, и бедные, царедворцы и слуги, изысканные интеллигенты и неграмотные. На фоне такого знания и вполне реальной возможности в этом убедиться хвалящийся богатством оценивается как человек выдающийся своими грехами, потому что его грех горделив — у всех на виду. Отрицательные стимулы обретения богатства — возможность удовлетворять свои страсти, сделать себя значительной личностью в глазах общества — это стремление укреплять, увеличивать свои грехи. Либерализм старательно выдвигает личность, забывая о ее главной опоре — жить в Боге и Церкви.

В религиозно-нравственном подходе к социальному неравенству присутствовало также наставление Спасителя: «Не судите, да не судимы будете. Ибо, каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, таковою к вам будут мерить» (Мтф. 7, 1–2). Верующие, воцерковленные люди, видя отрицательные стороны социального неравенства — в конкретных лицах, взаимоотношениях, событиях — отзывались о них мягко, осторожно, стремясь увидеть рядом и положительное, в то время как нарочитый дерзкий напор разрушителей использовал прямую ложь, клевету и преувеличенную резкую подачу реальных недостатков. Кроме идеологической злой критики, исходившей от революционного направления, существовала обывательская критика чужого богатства. Те, кто выражал ее, в сущности, проявляли открыто свой грех зависти, не говоря уж о нарушении заповеди «не судите, да не судимы будете».

Главная проблема нормальной общественной и личной жизни не в имущественном состоянии: не ростовщики и богатеи разного вида ведут к гибели, а ослабление или полная потеря веры — у бедных и богатых. Разрушение религиозно-нравственного подхода к проблемам социального неравенства шло не от тех, кто обогащался или беднел, а от марксистско-ленинских идей.

Анализ отрицательных явлений такого общества, где преобладает *стоимостная оценка жизни и деятельности*, полезен лишь с позиций противоположных ему — неизменных оснований православной веры. Они были, есть и будут. Для православного человека любого

времени установления Священного Писания — это установки сегодняшнего дня. Исторический опыт русского народа, даже в период, непосредственно предшествующий революции, богат традициями религиозно-нравственного подхода к социальной действительности. В этом опыте богатство проявляет себя как возможность действовать во благо своему отечеству, своему городу, своим ближним и дальним, как возможность содействовать подвижничеству Божьих избранныков и широкому духовному просвещению. Бедность — как надежная предпосылка очищения и спасения. Надо лишь суметь правильно употребить —то или другое, — получив одно из них.

